
ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ
РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

С. Алексеев

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ

Художник В. М. Бескаравайный

Москва
«Детская литература»
1988

ББК 84Р7
А47

1917 год. В бывшей царской России только что произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Власть царя, капиталистов и помещиков была свергнута. Восставший народ создал своё первое в мире рабоче-крестьянское государство. Было образовано первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров. Председателем Совнаркома избран Владимир Ильич Ленин.

Из рассказов, составивших данную книгу, вы узнаете о некоторых сторонах деятельности Владимира Ильича Ленина на этом высоком и ответственном посту, о его встречах с рабочими, крестьянами, красными командирами, инженерами, советскими работниками. Хорошо известна забота Владимира Ильича о детях. Ленин и дети — вот ещё одна тема книги.

Итак, перед вами книга рассказов о создателе и первом руководителе молодого Советского государства Владимире Ильиче Ленине.

Алексеев С. П.

А47 Рассказы о Ленине/Художник В. Бескаравайный. — Переизд. — М.: Дет. лит., 1988. — 144 с.: ил. — (Школьная библиотека).

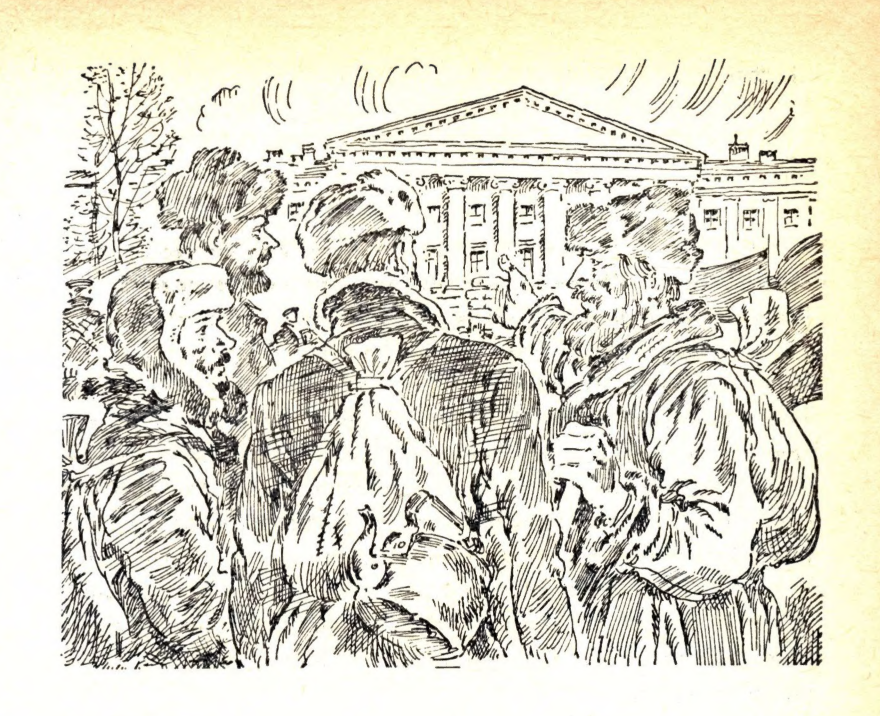
ISBN 5—08—001034—7

Цикл рассказов известного советского писателя о Владимире Ильиче Ленине, его жизни и деятельности в первые годы Советской власти.

Книга адресована младшим школьникам.

А $\frac{4803010102-330}{М101(03)-88}$ 141—88

ББК 13.6
3К26

СТАРШОЙ

В Петроград в Смольный к товарищу Ленину прибыла группа крестьян-ходоков из-под города Костромы. В полушубках крестьяне, в лаптях, в шапках-ушанках, с котомками за плечами.

Были первые дни после свершения Великой Октябрьской социалистической революции.

Людей в те дни в Смольном было полным-полно. Тут и рабочие, тут и крестьяне. Солдаты, красногвардейцы, матросы. От человеческих голосов Смольный гудел, как улей.

Идут костромские крестьяне, смотрят налево, направо, озираются по сторонам, разыскивают Владимира Ильича Ленина.

А в это время Владимир Ильич шёл как раз им навстречу. Крестьяне к нему:

— Дорогой человек, где здесь старшо́й?

— Кто-кто? — переспросил Ленин.

— Старшо́й,— повторяют крестьяне.— Тот, кто нынче Россией правит.

— Ах, старшой,— усмехнулся Ленин. Осмотрелся Владимир Ильич вокруг себя.— Вот старшой,— показал куда-то за крестьянские спины, лукаво улыбнулся и пошёл дальше.

Оглянулись крестьяне, видят: стоит в коридоре группа рабочих. Рядом с ними солдаты о чём-то спорят. Матрос-авроровец мирно цигарку курит. Чуть поодаль столпились крестьяне. И тоже в полушубках, в лаптях, в ушанках. На спинах висят котомки. Тоже, видать, ходоки-пришельцы.

Смотрят костромичи то на рабочих, то на солдат, то на матроса, то на таких же, как сами они, крестьян.

— Э, да какой же это старшой,— недоумевают костромичи. Повели плечами: — Видать, ошибся тот человек с бородкой.

— Кого вам, отцы? — вдруг слышат крестьяне голос. Отошёл от рабочих какой-то парень.— Вы тут, видать, впервые.

— Впервые, мил человек. Нам бы к товарищу Ленину.

— К Ленину?!

— Ну да, к Владимиру Ильичу.

Покосился на крестьян недоверчиво парень, брови слегка нахмурил.

— С вами же Ленин сейчас беседовал.

У крестьян, как по команде, открылись рты:

— Кто? Тот человек с бородкой?

— Он самый,— ответил парень.

Рассказали крестьяне про их разговор с Владимиром Ильичём. Рассмеялся рабочий.

— Значит, старшого искали. Того, кто́ нынче Россией правит? А что,— задумался парень,—

верно ответил товарищ Ленин. Так если вам к Ленину, ступайте на третий этаж.

Подхватили крестьяне свои котомки.

— Ну и ну,— заявил один.— Непонятное что-то.

— Чудно́е,— согласился второй.

Смотрят они на третьего, самого старого. Однако третий стоит и молчит. Думает самый старый. Морщины, как волны, легли на лоб.

— Как же это понять, Афанасий Данилович? — полезли к нему крестьяне.

Думает старый. И вдруг.

— Как? Как сказано, так и понять,— ответил старик и просиял улыбкой.

Поднялись крестьяне на третий этаж, подошли к кабинету Ленина.

— Вам к кому? — спросил секретарь у входа.

— К товарищу Ленину.

— Как доложить?

Глянул старик на своих, для пущего веса крякнул, вытер усы ладонью.

— Скажи, что пришёл старшо́й. Тот, кто вместе с рабочими нынче Россией правит.

ГРАЖДАНИН РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Жил Данилка в подвале высокого дома в Питере, на Литейном. Здесь Данилка родился, вырос и всех жильцов знал наперечёт и в лицо.

Первый этаж занимала графиня Щербацкая. На втором — комнаты князя Пирогова-Пищаева. Ещё этажом выше — тайный советник Горохов. А на самом верху — статский советник Ардатов. Жильцы все именитые, важных чинов и званий.

Много разного было за последние дни, с той поры как произошла революция. Данилка даже устал удивляться. Но в этот день...

Принёс Данилкин отец газету, развернул, глянул на сына.

— Ну,— сказал,— отныне ты — гражданин Российской Республики. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал.

Не верится как-то Данилке, да и что такое гражданин Российской Республики, не совсем ясно.

— А это важнее, чем статский советник?

— Важнее,— улыбнулся отец.

— И важнее, чем тайный?

— Важнее, чем тайный.

— И больше, чем граф?

— Больше.

— И выше, чем князь?

— Выше, выше,— смеётся отец.

Бросился Данилка на улицу, побежал к дружкам своим и приятелям.

Встретил Ванюшку Дозорова.

— А у меня звание высокое-высокое, важное-важное, важнее, чем статский советник, важнее, чем тайный, больше, чем граф, выше, чем князь! Я — гражданин Российской Республики! В газетах про это написано. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал!

Побежал Данилка дальше. Встретил Любу Козулину.

— А у меня звание высокое-высокое, важное-важное...

Многих повстречал в этот день Данилка и всем про одно и то же. Наконец утомился, сел возле дома. Сидит, думает: и откуда это Ульянов-Ленин узнал про него — Данилку? Кто бы это мог Ленину рассказать?! Думает, и вдруг — мчит к нему рыжий Кирюха. Подлетел Кирюха, перевёл дыхание и сразу же:

— Знаешь, кто я?! Я — гражданин Российской Республики!

Данилка даже икнул от неожиданности.

— Какой же ты гражданин? — произнёс он с насмешкой.— Это я гражданин. Это про меня в газетах написано.

— Про тебя,— присвистнул Кирюха.— Станут на тебя изводить бумагу.

Сжались от обиды в кулаки Данилкины руки. Подступил он к Кирюхе. Выбрал момент и — раз!

Началась драка.

— Я гражданин! — пытается перекричать Данилка Кирюху.

Нет, я гражданин! — вопит на всю улицу рыжий Кирюха.

Проходил в это время по улице рабочий парень. Он и разнял ребят. Те долго молчали, не говорили, в чём дело. А потом рассказали. Усмехнулся парень, полез в карман, вынул газету. Стали ребята по складам разбирать.

«Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов»,— прочли они заголовок.

Далее шло о том, что всякие важные звания, чины и титулы отныне и навсегда отменяются.

Не будет больше ни дворян, ни купцов, ни тайных советников, ни статских, ни князей, ни графов. «Устанавливается одно, общее для всего населения России название — Гражданин Российской Республики»,— сообщалось в декрете.

Внизу была подпись:

«Председатель Совета Народных Комиссаров
Вл. Ульянов (Ленин)».

— Так что, выходит, оба вы правы,— заявил парень.— И ты гражданин Российской Республики,— показал он на Данилку,— и ты,— показал на Кирюху,— и я. Все теперь граждане Российской Республики. Для всех простых людей Владимир Ильич Ленин написал этот декрет.

Поначалу, конечно, Данилке было обидно, что декрет написан для всех, а не только для него одного. Однако вскоре он понял, что так даже лучше. Получается, что Владимир Ульянов-Ленин никого не забыл: ни Данилкиного отца, ни Данилкину мать, ни дружков его, ни приятелей — всех вспомнил. Правильно Ленин сделал!

Зато что касается графини Щербацкой, князя Пирогова-Пищаева, тайного советника Горохова и статского советника Ардатова, то, видимо, ленинский декрет им не понравился. Сбежали они за границу. Ну и хорошо. Ну и скатертью дорога. Поселились в высоком доме на Литейном новые люди, такие же простые, как Данилкины мать и отец,— рабочие люди. Они стали не только гражданами, но и хозяевами всей страны.

Заводы, фабрики, земля, все богатства страны стали принадлежать народу.

ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ

Не смирились капиталисты и помещики с потерей власти, земли и заводов. Бежали они на окраины нашей страны. С помощью иностранных капиталистов организовали здесь сильные армии. Белые — так называли тогда врагов — начали военный поход против молодой Советской России.

В стране вспыхнула гражданская война.

В первые же дни установления Советской власти враги предприняли наступление на Петроград.

Руководить обороной Петрограда были назначены испытанные большевики Владимир Александрович Антонов-Овсеенко и Николай Ильич Подвойский.

Вечер. Революционный военный штаб. Скло-

нились Антонов-Овсеенко и Подвойский над картой. Изучают, где и как расположены революционные войска, где, в каких местах находятся войска врагов революции.

Изучают Антонов-Овсеенко и Подвойский карту. Вдруг стук. Открывается дверь. В комнату входит Ленин.

— Владимир Ильич!

— Здравствуйте,— поздоровался Ленин.

— Здравствуйте, Владимир Ильич!

Смутились Антонов-Овсеенко и Подвойский. Не ожидали прихода Ленина.

— Как с боевыми отрядами? Какие вести с Путиловского завода? — сразу же стал Владимир Ильич задавать вопросы.— Как с кораблями Балтийского флота?

Отвечают Антонов-Овсеенко и Подвойский Владимиру Ильичу.

Всё новые и новые вопросы у Ленина. Какова общая готовность к борьбе с врагом? Как дела с транспортом, как с оружием? Где сейчас находятся вражеские соединения? Где и как расположились войска революционные?

Помрачнел чуть Подвойский. Заметил это Владимир Ильич:

— Вас что-то тревожит?

Помедлил чуть-чуть Подвойский и вдруг высказал Владимиру Ильичу обиду: мол, как понять Владимира Ильича, не означает ли приход товарища Ленина сюда в штаб как недоверие к нему, к Подвойскому, или к Антонову-Овсеенко.

— Недоверие? — удивился Ленин.— Недоверие?! — И вдруг расхохотался.— Нет. Не недоверие,— сказал Владимир Ильич,— а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти. Вы что, возражаете? — неожиданно спросил Ленин.

— Нет, нет,— поспешно ответил Подвойский. Смутился. Глянул на Антонова-Овсеенко. Оба теперь посмотрели на Ленина.

— Правительство рабочих и крестьян желает знать,— повторил Ленин,— обязательно знать, как действуют его военные власти.

Снова пошли вопросы. Снова пошли ответы. Доволен остался Владимир Ильич ответами. Возвращался к себе из штаба:

— Ну что же — прекрасно действуют наши военные власти.

С первого и до последнего дня вооружённой борьбы за Советскую власть Владимир Ильич Ленин внимательно следил за тем, что происходит на фронтах гражданской войны, был организатором и вдохновителем наших побед над врагами.

СТРАШНОЕ СЛОВО

Для защиты страны от врагов была создана Красная Армия.

— Строжайший порядок. Революционная железная дисциплина — вот что должно быть главным в Красной Армии,— говорил Владимир Ильич.

И вот тут-то... Короче, нашлись люди, которые выступили против товарища Ленина. Среди них оказались даже очень видные большевики.

— Что же это за новая армия,— говорили они,— если главное в ней железная дисциплина. Хватит нам строгостей. Натерпелись. Не для того мы распускали старую царскую армию, чтобы новую, советскую, строить на тот же лад.

Слово «дисциплина» пугало многих. Страшным казалось слово.

Но армия есть армия. Сила армии в строгих

её правилах. Не будь правил, не будет армии. Будет просто набор людей.

Ленин терпеливо объяснял, что пугаться дисциплины вовсе не стоит, а, наоборот, надо всячески её укреплять, что сравнивать Красную Армию со старой, царской,— значит не видеть главного.

— Палочной дисциплине капиталистических армий мы должны противопоставить свою, глубоко сознательную, революционную дисциплину,— не раз и не два, а в десятках и сотнях своих выступлений подчёркивал Ленин.

И всё же спор с несогласными длился долго. Он даже возник на одном из партийных съездов. Делегаты съезда полностью стали на сторону Ленина.

Были и другие случаи, когда Ленину приходилось терять немало времени, чтобы доказать свою правоту, переубедить, склонить на свою сторону тех, кто до этого выступил против.

Многие поражались, глядя на Ленина. Он, наделённый высшей властью в стране, и вдруг терпит такие споры. Тратит энергию. Тратит время. Нет бы прибегнуть к власти и одёрнуть таких несогласных.

— Одёрнуть — дело не очень сложное,— отвечал Владимир Ильич.— Это лишь крайний случай. Важно не то, чтобы людей силой заставить отказаться от старого мнения. Главное, чтобы тот, кто не понял или не прав, сам осознал бы свою ошибку. Тут строгость не лучший метод.

— Вот вы, Владимир Ильич, и попались,— сказал однажды один из помощников Ленина. И напомнил, с какой горячностью и напором отстаивал Владимир Ильич принцип строгости при создании Красной Армии.

— Попался, попался,— усмехнулся Влади-

мир Ильич.— Но тут же у нас не армия. Впрочем, в армии то же самое.— Ленин сделал короткую паузу.— Дисциплина для нас не кнут. Это прежде всего глубокая наша сознательность. Это и в армии нашей и в нашей жизни одинаково верный принцип.

ОДИН И ПОЛТЫСЯЧИ

Учитель Криденер во время мировой войны отличился. Был рядовым солдатом, стал начальником большой пулемётной команды.

— Он на фронте сорока восемью «максимами» командовал! — любил похвастать боевой биографией Криденера председатель Весьегонского учительского союза. (После возвращения с фронта Криденер учительствовал под Весьегонском.)

Молод учитель, строен. Два Георгиевских креста висят на груди героя. Ходят ребята за ним гурьбой. Не нарадуется председатель на нового учителя.

И вдруг призвали Криденера в Красную Армию. Стояла осень грозного 1918 года.

— Как так? Почему?! — возмутились в уезде.

Как правило, учителей призывали не в первую очередь.

Председатель учительского союза решил поехать в Москву, обратиться непосредственно к товарищу Ленину. Знал он, что Владимир Ильич придаёт огромное значение народному образованию.

Принял Ленин весьегонского председателя. Рассказывает тот о новом учителе. Мол, и учитель Криденер замечательный. И молод, и строен. И о том, что ходят ребята за ним гурьбой.

— А ещё, Владимир Ильич,— голос предсе-

дателя стал торжественным,— он на фронте сорока восемью «максимами» командовал! Два Георгиевских креста заслужил за подвиги.

Сказал, ликующе посмотрел на Ленина. Пусть, мол, знает Владимир Ильич, какие у них в Весьегонске учителя.

Ленин слушал очень внимательно.

— Вот как! — сказал, когда председатель заговорил о пулемётах.— Вот как! — повторил, когда председатель сказал про Георгиевские кресты.— Значит, говорите, Криденер командовал сорока восемью пулемётами?

— Так точно — сорока восемью «максимами», Владимир Ильич.

— И много у вас учителей, которые могут командовать огнём сорока восьми пулемётов?

— Один! — с гордостью ответил председатель.

— А сколько всего учителей в уезде?

Задумался председатель.

— Около пятисот.

— Так ваш учитель — это же просто клад.

— Клад, Владимир Ильич. Именно клад!

— Для военных,— уточнил Ленин. Развёл руками: — Должен вас огорчить: с уходом учителя Криденера в армию нужно смириться.— Увидел Владимир Ильич огорчённое лицо председателя: — Не обижайтесь, сейчас война. Каждый опытный в военном деле человек — это действительно клад для фронта.

СИМБИРСК И САМАРА

Много было врагов у Советской власти. Явных. Неявных. Скрытых. Открытых. Выжидающих. Недобитых.

В числе врагов были и эсеры. Эсеры — слово сокращённое. Эсеры — значит социал-

революционеры. Существовала в России такая партия. Называли себя эсеры революционерами. Хотя на самом деле стали контрреволюционерами. Повели эсеры открытую борьбу против Советского правительства, против партии большевиков, против товарища Ленина.

30 августа 1918 года эсерка Фанни Каплан стреляла во Владимира Ильича.

Ленин выступал на митинге перед рабочими одного из московских заводов. Подходил после митинга к автомобилю. Здесь у автомобиля и притаилась Фанни Каплан. Две пули послала в Ленина.

«Всем! Всем! Всем! — разнеслось сообщение.— Всем! Всем! Всем!» Газеты известили о злодейском покушении на жизнь Владимира Ильича Ленина.

Положение Ленина было тяжёлым. Пули оказались отравленными.

В эти дни особенно упорные бои шли на Восточном фронте. Разгорелись они и вокруг Симбирска — родного города Владимира Ильича. Отважно сражались красные бойцы. Хотелось им взять Симбирск и доставить приятное известие товарищу Ленину.

Основной удар по Симбирску наносила сводная Симбирская стрелковая дивизия, которой командовал прославленный красный командир Гая Гай.

9 сентября. Ранний рассвет. Красные начали наступление. Весь день шёл бой. Продолжался он и десятого и одиннадцатого сентября. Всё ближе и ближе подходили красные войска к Симбирску. Оставалось всего два километра. Гай дал приказ к решительной атаке.

Ворвались красные бойцы в Симбирск. Взяли Симбирск. Освободили. Полетела в Москву к Владимиру Ильичу телеграмма.

«Дорогой Владимир Ильич! — писали бойцы.— Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

Получил телеграмму Ленин. Тут же ответ отправил. «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны,— писал Владимир Ильич.— Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Читают бойцы телеграмму:

— От Ленина!

— От Владимира Ильича!

— Поправляется Ленин!

— Да здравствует Ленин!

Прошло немного времени — новая телеграмма с Восточного фронта приходит к Ленину. Сдержали красные бойцы своё слово — Красная Армия освободила город Самару.

Читает Владимир Ильич новую телеграмму. Спасибо отважным красным бойцам. Низкий поклон героям.

КРАСИВО

Командующий Восточным фронтом С. С. Каменев докладывал Ленину о плане разгрома войск Колчака.

Склонился Владимир Ильич над картой. Слушает. Рядом стоит Каменев. Держит в руках указку.

План интересный. Продуманный. Каменев военачальник опытный. Говорит убедительно, красноречиво. Прыгает указка по карте между рек, городов и железных дорог, как воробей по грядкам.

— Вот тут мы начнём прорыв... Вот тут через эту брешь польются полки и роты. Вот тут...— Скажет фразу и к фразе фразу: — Уверяю вас, Владимир Ильич, это будет на редкость красиво.

Глянул Владимир Ильич на Каменева:

— Красиво? Нам надо в кратчайший срок разбить Колчака. А красиво это будет сделано или некрасиво — для нас несущественно.

— Да, да, конечно,— ответил Каменев.— А вот сюда,— указка в руках Каменева снова запрыгала, заклевала по карте,— мы двинем отряд бронепоездов. Пехота с фронта. Бронепоезда с флангов. Огонь из бортовых орудий, из всех пулемётов. Начнём удар в темноте. Ночи, Владимир Ильич, тёмные, беззвёздные. Луны нет, не выдаст. Представляете, Владимир Ильич: ночь — и вдруг залпы. Уверяю вас, это будет на редкость красиво.

Сказал Каменев слово «красиво», спохватился, посмотрел на Владимира Ильича.

— Продолжайте, слушаю вас,— сказал Ленин.

— Тут вот Пермь, тут вот Уральск,— продолжает докладывать Каменев.— Противник стремится создать единый фронт. Поэтому мы нанесём удар вот сюда, пройдём по белым как нож по маслу. Удар. Ещё удар! И Колчак — как шар в лузу.

— В лузу? — переспросил Ленин.

— В лузу, Владимир Ильич. Уверяю вас, это будет на редкость...

Хотел Каменев снова сказать «красиво», да спохватился, посмотрел на Владимира Ильича.

— ...красиво,— подсказал Владимир Ильич.

Помедлил минуту Каменев, повторил:

— Красиво.

Глянул Каменев на Ленина. Глянул Ленин на Каменева. Оба расхохотались.

Владимир Ильич очень ценил знания, опыт и романтический пыл Сергея Сергеевича Каменева. За умелое руководство войсками Восточного фронта Каменев вскоре был назначен Главнокомандующим всеми вооружёнными силами Советской Республики.

Правда, кое-кто тогда возражал:

— Владимир Ильич, это у него на словах получается всё красиво.

— Нет, вы не правы,— ответил Ленин.— Он умеет не только убедительно говорить, но и со знанием бьёт противника. И делает это, надо признаться, действительно очень красиво.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Под ударами Красной Армии белые войска адмирала Колчака быстро отходили на восток. Вместе с Колчаком двигалось два эшелона. Эшелоны большие, гружёные.

На каждой остановке Колчак интересовался:

— Как эшелоны?

— В полной сохранности, ваше высокопревосходительство.

Эшелоны находились под надёжной охраной. Двери у вагонов были запломбированы. Даже паровозные команды не знали, что везут они в эшелонах. Даже солдаты, охранявшие эшелоны, не знали, что находится в вагонах.

Не давали эшелоны Колчаку покоя:

— Как эшелоны?

— Где эшелоны?

Перепроверял Колчак. На каждой остановке в окно выглядывал. Верно, не отстают от Колчака эшелоны.

Много километров прошли эшелоны. Омск,

Красноярск. Станция Зима. Станция Тайга. Прибыли эшелоны и на станцию Нижнеудинск. Здесь и закончился путь вагонов.

Именно на станции Нижнеудинск схватили адмирала Колчака революционные отряды. Вместе с Колчаком были задержаны и загадочные эшелоны.

Вскрыли первый вагон. В глазах от богатства рябит. В вагонах находилось золото.

Вскрыли второй вагон. И в этом вагоне золото. И в третьем, и в пятом, в десятом. И во втором эшелоне тоже.

В вагонах находился золотой запас. Золотое богатство Советской Республики.

Более года тому назад, когда враги наступали, золотой запас рабоче-крестьянского государства был захвачен белыми генералами. Теперь Колчак пытался увезти его за границу. Не увёз. Не получилось. Схвачен Колчак. Задержаны эшелоны.

О том, что золотой запас возвращён Советскому государству, тут же сообщили в Москву товарищу Ленину.

В сообщении говорилось: в надёжных руках запас, в наших, в рабочих руках, в крестьянских.

Известие важности чрезвычайной. Доволен товарищ Ленин телеграммами с востока: и Колчак разбит, и золотой запас возвращён народу.

— Золотой, золотой,— проговорил Владимир Ильич. О чём-то задумался.

— Так точно — золотой,— не удержался кто-то из помощников, находившихся в кабинете Владимира Ильича.

— Золотой,— повторил Ленин. Повернулся к помощникам: — Революционные рабочие, революционные крестьяне, бесстрашные бойцы

Красной Армии — вот он, наш золотой запас. Золотой, бесценный запас Советской Республики.

«Я ПОДОЖДУ»

В Совнарком Ленину с юга, с Царицынского фронта, пришла срочная телеграмма. Положение на фронте было крайне тяжёлым. Военные просили помочь оружием, обмундированием, жаловались на задержки с ответами из Москвы.

Прочитал Владимир Ильич телеграмму. Написал: «Немедленно выполнить». Переслал телеграмму в отдел, который занимался делами снабжения армии. Нужно сказать, что к Владимиру Ильичу уже и раньше поступали жалобы на медлительность в работе этого отдела.

Переслал Владимир Ильич телеграмму с посыльным. А через час сам позвонил по телефону начальнику отдела:

— Здравствуйте. Говорит Ленин. Получили вы от меня телеграмму?

— Нет, Владимир Ильич, не получил.

— Потребуйте почту и посмотрите.

— Сейчас сделаю и позвоню вам.

— Нет, нет, я подожду,— ответил Владимир Ильич.

Проверяет начальник почту, торопится: неудобно ему задерживать Владимира Ильича. Нашёл телеграмму. Взял телефонную трубку:

— Нашлась, Владимир Ильич, телеграмма. Сейчас я посоветуюсь с товарищами и вам позвоню.— Собрался повесить трубку, но слышит в ответ:

— Нет, нет, я подожду.

Ждёт Владимир Ильич у телефонной трубки.

А в это время начальник срочно собрал помощников. Советуется. Торопит:

— Быстрее, быстрее — Владимир Ильич у трубки ответа ждёт.

Приняли наконец помощники решение. Подошёл к телефону начальник:

— Всё в порядке, Владимир Ильич. Будет оказана помощь Царицынскому фронту. Изыскали мы такую возможность. Я сейчас же свяжусь с управлениями, которые ведают оружием и обмундированием.

— Хорошо,— отвечает Владимир Ильич.

— О результатах я вам позвоню.

Но Ленин опять:

— Нет, нет. Не утруждайте себя. Я подожду.

Пришлось начальнику вновь торопиться. Не прошло и десяти минут, как все вопросы, связанные с телеграммой с Царицынского фронта, были решены.

— Благодарю,— сказал Владимир Ильич и повесил трубку.

Через несколько дней при встрече со снабженческим начальником Владимир Ильич сказал:

— Вот видите, товарищ, как быстро умеет работать ваш отдел.

Смутился начальник. Хотел что-то ответить Ленину. Однако смолчал.

Урок Владимира Ильича не пропал даром. Быстрее стали в отделе решаться теперь вопросы. Сократились жалобы на отдел.

СУРОВОСТЬ

Гражданская война продолжалась. Шли упорные бои с белыми армиями генерала Деникина. По приговору революционного трибу-

нала за сокрытие оружия двое жителей города Мерефы были расстреляны.

Нашёлся жалостливый человек:

— Ах, ах, расстреляны!

— Ох, ох, да что же такое делается!

Нужно сказать, что плохо было тогда с оружием. Случалось так: идут красные солдаты в бой, а винтовка одна на двоих.

— Подумаешь — спрятали винтовки,— не успокаивается жалостливый человек.— Подумаешь — грех! Так ведь время теперь опасное...

Время действительно было тяжёлое — враги наступали со всех сторон.

— Ах, ах,— продолжает кудахтать жалостливый.— Ни за что ни про что расстреляны. А главное, люди хорошие. Один из них, возможно, и скрытый враг — бывший кулак и лавочник. Другой же просто почтовый служащий.

Разжалобил жалостливый человек друзей и знакомых. Стали и те вздыхать:

— Ах, ах, расстреляны!

— Ох, ох, да что же такое делается!

Решили они обратиться к товарищу Ленину. Написали письмо в Москву. Пишут: мол, очень суровы меры. Подумаешь — кто-то спрятал винтовку. Лишить человека за это жизни... А главное, люди хорошие. Один из них, возможно, и скрытый враг — бывший кулак и лавочник. Другой же просто почтовый служащий!

Пришло письмо в Москву, в Кремль, в Совнарком. Нашёлся и здесь жалостливый человек:

— Ах, ах, расстреляны! Ох, ох, да что же такое в Мерефе делается! Задаст им товарищ Ленин.

Побежал жалостливый человек к Владимиру Ильичу докладывать про письмо. Докладывает, торопится:

— Перестарались, Владимир Ильич, в Ме-

рефе товарищи. Расстреляли людей только за то, что те не сдали винтовки вовремя. Вот до чего, Владимир Ильич, дошло. Один из них, возможно, и скрытый враг — бывший кулак и лавочник. Второй же просто мелкий почтовый служащий.

Выслушал Ленин, побарабанил по столу пальцами. Посмотрел куда-то вдаль, повыше головы совнаркомовского сотрудника, задумчиво проговорил:

— Идёт война. Безжалостная война.

— Так точно,— вставил сотрудник.

— Не мы войну начали. Нам её навязали.

— Верно, Владимир Ильич.

— А вы знаете,— Ленин посмотрел в упор на сотрудника,— что не хватает винтовок на фронте?

— Слышал, Владимир Ильич.

— А вы не задумывались над тем, что из-за этого гибнут сотни и тысячи лучших наших красноармейцев?

— Да как-то, признаться, нет. То есть да... Но...— Сотрудник стушевался, запутался. Не ожидал такого.

— Так вот, кто прячет или помогает прятать оружие, безразлично — лавочник он или почтовый служащий,— голос Ленина стал непривычно суровым,— есть величайший преступник против рабочих и крестьян. Нет, тут неуместна жалость. Верно поступили в Мерефе товарищи. Тысячу раз верно!

СРОЧНЫЙ ВОЕННЫЙ ГРУЗ

Трудное было время. Бушевала гражданская война.

Из Сибири в Москву срочно шёл железнодорожный состав. Прибыл состав в Челябинск.

Забиты пути вагонами. Не хватает для всех паровозов. Стоят поезда. Затор.

Пошёл начальник сибирского поезда к начальнику станции.

— Что такое?

— Срочный военный груз.

— Чьё указание?

— Товарища Ленина.

Пропустили сибиряков вне очереди.

Прибыл состав в Самару. Забиты пути вагонами. Не хватает для всех паровозов. Стоят поезда. Затор.

Пошёл начальник сибирского поезда к начальнику станции.

— Что такое?

— Срочный военный груз.

— Много срочных. Много военных,— пробурчал недовольно начальник станции.

Достаёт бумагу начальник поезда.

— Чьё указание?

— Товарища Ленина.

Пропустили состав вне очереди.

Прошёл он Сызрань, Кузнецк, Рязань. Уступают ему дорогу.

— Срочный военный груз!

— Срочный военный груз!

— Указание Ленина!

— Указание Ленина!

Прибыл состав в Москву. Открыли вагоны. В вагонах мешки с мукой.

— Вот так срочный!

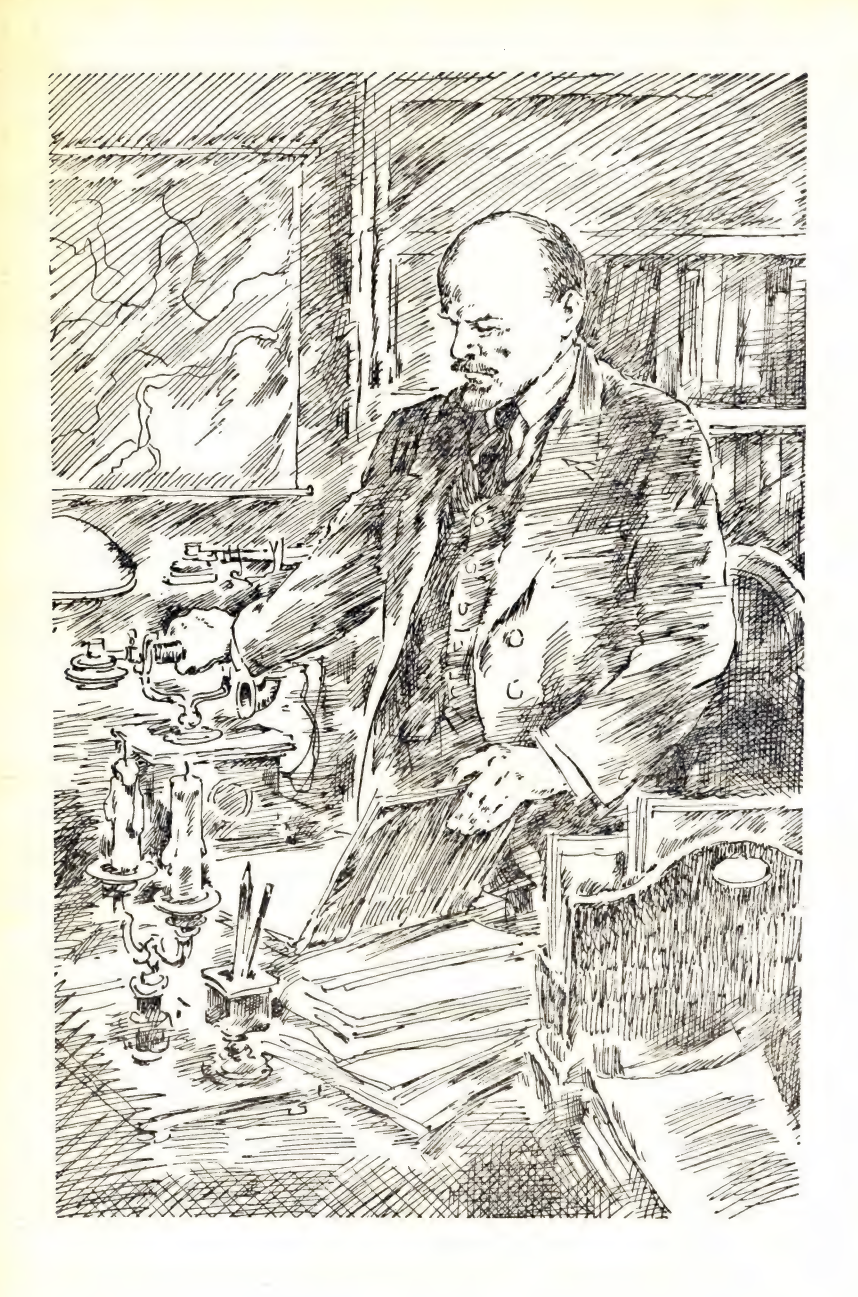
— Вот так военный!

Позвонили Владимиру Ильичу:

— Владимир Ильич, ваше имя незаконно использовали.

— Что случилось? Слушаю вас, товарищи.

Объясняют Ленину про вагоны, про хлеб. Про то, что хлеб доставлен как срочный военный груз.

Слушает Ленин.

— Так, так.

— Надо наказать виновных, Владимир Ильич.

— Так, так.

— Строго, Владимир Ильич, со всей революционной суровостью, по законам военного времени.

Повесил трубку Владимир Ильич. Достал из стола бумагу. Сообщалось в бумаге о том, что время тяжёлое, время суровое, что очень трудно в Москве с продуктами, что голодают, что умирают от голода московские дети. Просьба была в бумаге: доставить московским детям хлеб побыстрей из Сибири.

Читает бумагу Ленин. Вспоминает тот день, когда пришли к нему с этой бумагой московские рабочие. Выслушал Ленин тогда рабочих. Взял бумагу, написал про хлеб: «Доставить как срочный военный груз». И расписался — «Ульянов-Ленин».

КОМЕНДАНТ

Был один из самых тяжёлых моментов гражданской войны. Белые взяли Орёл, подходили к Туле. Враг угрожал Москве.

Страна напрягала последние силы. На фронт уходили все.

В эти тревожные дни комендант Московского Кремля получил распоряжение отправить на фронт под Тулу сто человек из кремлёвской охраны.

Сто человек — это без малого вся охрана.

Комендант схватился за голову.

— Кто же будет нести караул?! Кого посылать на посты?! К тому же...

Самыми первыми часовыми Кремля были

бойцы из сибирских рот. Только привыкли они к постам, только освоились — приказ: отправить бойцов на фронт.

Сибиряков сменили латышские стрелки. Только привыкли они к постам, только освоились — приказ: отправить стрелков на фронт.

Устал комендант обучать новичков караульному делу.

Наконец появились в Кремле курсанты. Были в Москве пулемётные курсы. Вот и решили: пусть курсанты не только учатся, но и несут охрану Кремля.

Теперь комендант успокоился:

— Ну, курсантов никто не тронет. Главное дело у них — учёба. С учёбы срывать нельзя.

И вдруг неожиданно этот приказ: сто человек из кремлёвских курсантов срочно отправить на фронт под Тулу.

Комендант заупрямился. Грозился приказ не исполнить. Мало того, заявил, что явится с жалобой к Ленину.

Угрозу сдержал. Явился.

— Если приказ, надо отправить,— ответил Ленин.

Не ожидал комендант такого.

— Владимир Ильич, это же Кремль! А курсанты его защита. Нельзя же снимать защиту. Тем более в этот момент.

— Нельзя,— согласился Ленин.— Если враг пойдёт к Москве, поздно об этом думать.

— Так точно, товарищ Ленин.

— Вот видите, вы сами того же мнения. Значит, надо отдать курсантов.

«Как так?! — хотел возразить комендант.— Я вовсе другого мнения».

— Надо отдать,— повторил Ленин.— Защита страны, а значит и Кремля, проходит сейчас

под Тулой. Мы не снимаем охрану Кремля,— сказал Владимир Ильич.— Мы просто её посты переносим под город Тулу.

Другой бы понял — бесцельно спорить. Но комендант оказался упорным.

— Так ведь это, Владимир Ильич, не просто охрана. Это, Владимир Ильич, курсанты. Их с учёбы срывать нельзя. У них всё по дням расписано. Учебные есть журналы.

— Нельзя, нельзя,— согласился Ленин.— А мы с учёбы срывать и не будем.

«Ну вот, доказал,— облегчённо вздохнул комендант.— Уж тут-то, конечно, спорить нечего».

Но Ленин не сделал паузы.

— Ведь есть у курсантов учебная практика. Вот и будем считать, что курсанты едут не просто на фронт,— сказал Владимир Ильич,— а срок наступил для практики. Так и пометьте в своих журналах.

Уехали кремлёвские курсанты на юг, под Тулу. Вместе с другими остановили, разбили белых.

НЕ ЗНАЕТ ТОГО СОЛДАТ

Армию нужно одеть. Армию нужно обуть. Армию надо накормить.

Винтовки и пушки, штыки и снаряды — всё это нужно армии.

Лошади для кавалерии. Сено для лошадей.

Уголь для флота. Горючее — транспорту.

Тысячи разных вещей.

Всё это надо иметь. Надо быстро к войскам доставить.

Если бы в армии — сто человек. Если бы, скажем, двести. У Республики в армии три миллиона. Это, если начнёшь считать, не заметишь, как старым станешь. Это если поставить

всех в ряд, то землю вокруг словно ремнём обхватишь. Для армии многомиллионной горы нужны снарядов. Горы нужны патронов. Целое море штанов и рубах.

Сотни и сотни забот у страны. Сотни забот у Ленина.

Чтобы винтовку сделать, нужно отлить металл. Чтобы металл отлить, нужно иметь руду. Чтобы добыть руду, нужно рабочим спуститься в шахты.

Чтобы рубаху сшить, нужно хлопок иметь и лён. Чтобы вырастить хлопок и лён, нужно крестьянам в полях трудиться.

Чтобы армии быть не голодной, нужны эшелоны хлеба. Хлеб же травой на лугу не растёт. Он не валится манной с неба. Человеческий труд и пот в каждой краюхе хлеба.

Побеждает, конечно, в бою солдат. Но это не только его победа. Миллионы рабочих рук, миллионы крестьянских рук — это тоже штыки и пули.

Без помощи всей страны нелегко бы пришлось солдатам. Вот почему для товарища Ленина забота о снабжении армии в эти дни становится главным делом.

«Как с углём, с металлом, как с нефтью, как с хлебом?» — не сходят вопросы с повестки дня.

Какая помощь нужна оружейникам? Что мешает в работе текстильщикам? Как настроение шорников, швейников? Какие взяли они обязательства? Как помогают фронту?

Грозные письма идут на север. Грозные письма идут на юг: всё ли для армии сделано?

В Кремль приезжают гражданские. В Кремль приезжают военные: всё ли для армии сделано?

Нет вопросов больших и малых. Для Ленина важен любой вопрос. Сколько выпустил туль-

ский завод патронов? Как в Петрограде с производством броневиков? Как налажен уход за ранеными? Есть ли забота о семьях бойцов?

Глянешь на Ленина: когда же Владимир Ильич отдыхает? Из металла, что ли, товарищ Ленин?

Ест, бывало, солдат на привале. Вьётся над костром дымок. Шагает солдат в походе. Сыт, и обут, и одет. Шагает себе солдат. Не знает солдат того, что в каждой его затяжке, в паре любых сапог — бессонные ночи Ленина.

Поступают на фронт патроны. Эшелоны идут со снарядами. Держит винтовку в руках солдат, шашку конник держит. Не знает того солдат, что в каждом его обеде, в каждом прибывшем на фронт патроне — частица здоровья Ленина.

Грохочут на фронте пушки. Красная Армия бьёт врагов. От победы идёт к победе. Наступает в бою солдат. Не знает того солдат, что в каждом его успехе, в каждой такой победе — дни, недожитые Лениным.

Не знает того солдат.

Пусть же читатель знает.

ВЫСШИЙ ЗАКОН

Стоял сентябрь 1920 года. Армия генерала Врангеля наступала с юга, из Крыма. Против молодой Советской Республики снова двигалась грозная сила.

Командующим Южным фронтом был назначен Михаил Васильевич Фрунзе. Его срочно вызвали в Москву на важное заседание.

Фрунзе торопился, но опоздал. Когда он прибыл в Кремль, заседание уже началось. Председательствовал Владимир Ильич Ленин.

Приоткрыв дверь в зал заседаний, Фрунзе в нерешительности остановился.

— Проходите, товарищ Фрунзе, проходите. Садитесь,— проговорил Владимир Ильич.

Фрунзе тихонько прошёл в комнату и сел на свободный стул.

Вскоре ему передали крохотную записку: «Точность для военного человека — высший закон! Почему опоздали?»

Записка была от Ленина.

Когда заседание окончилось, Фрунзе подошёл к Владимиру Ильичу:

— Владимир Ильич...

— Не объясняйте,— остановил его Ленин.— Всё знаю. Мне уже доложили — опоздал поезд. Не сердитесь на меня за записку.

— Да что вы...

— Вот и хорошо.— Ленин взял Фрунзе под руку.— Михаил Васильевич, скажите, когда вы собираетесь приступить к операции по разгрому Врангеля, хотя нет, это не главное: когда вы смогли бы её завершить?

Фрунзе знал, что беспокоит Владимира Ильича. Приближалась зима — неужели ещё одна военная зима, тяжёлая военная зима?

Ленин стоял и терпеливо дожидался ответа.

— К декабрю, Владимир Ильич,— наконец произнёс Фрунзе.

— К декабрю? А успеете?

— Успеем, Владимир Ильич. Нужно успеть,— тихо проговорил Фрунзе.

— Нужно. Вы не представляете себе, как нужно,— так же тихо ответил Ленин.

И вот Южный фронт. Вооружённые танками, самолётами, пушками, белые рвутся на север.

Владимир Ильич внимательно следит за обстановкой. В кабинете у Ленина висит карта. Он не только в курсе боевых действий, но и постоянно наблюдает за тем, как идёт переброска подкреплений и воинских эшелонов. Он требует:

немедленно дать на помощь Южному фронту знаменитую Первую Конную армию во главе с Будённым. Настаивает на срочном создании Второй Конной армии. Добивается переброски на Каховку лучших, сибирских дивизий.

И так же, как в прежние годы:

— Как со снарядами? Как с патронами? Хорошо ли бойцы одеты? Какой у бойцов паёк?

Даже ночью он продолжает диктовать телеграммы.

В ответ на заботу Ленина Южный фронт рапортует делом: «Наступление белых приостановлено! Врангель поспешно отходит в Крым!»

Войска Фрунзе подошли к Перекопу. Разбили Врангеля в главном бою. Сбросили белых в море.

К середине ноября, на две недели раньше того срока, о котором говорил Михаил Васильевич, Крым становится вновь советским. «Южный фронт ликвидирован»,— телеграфировал Фрунзе Ленину.

Вскоре командующий Южным фронтом опять повстречался с Владимиром Ильичём.

— Поздравляю,— проговорил Ленин.— Сдержали слово. Не подвели. Уложились блестяще в сроки.

Фрунзе улыбнулся, полез в карман, протянул Владимиру Ильичу крохотную бумажку.

«Точность для военного человека — высший закон!» — прочитал Ленин свою записку.

ФРОНТ

Вася Самохин — паренёк из Смоленщины — прощался с отцом и матерью. Уезжал он в Москву на Третий съезд комсомола.

— Скоро не ждите,— объяснял он родителям.— Из Москвы я прямо на фронт.

Стояла осень 1920 года. Васе было пятнадцать лет. Ещё с весны Вася мечтал о фронте. Просился не раз, да никак не брали. Возраст пока не тот.

Теперь же другое дело. Вася едет в Москву. Знает прекрасно Вася, что после любого съезда все делегаты, как правило, шли на фронт.

Верит Вася, что дело верное.

— В крайнем случае возраст слегка привру. Кто там в Москве проверит?

Приехал Вася в Москву. Познакомился с другими делегатами, с парнями, с девчатами — все говорят о фронте.

Размечтался совсем Василий: «Нет, в пехоту я не пойду. В коннице лучше. Так и буду проситься — в конницу, в Конную армию, к товарищу Будённому». Представляет Вася себя верхом на коне, в шлеме будённовском, с острой, как бритва, шашкой. «Ну, берегись, враги!» — Вася пощупал руку, удар в руке у него пудовый. Недаром полгода всем соседям специально дрова колол.

Чем дальше, тем больше мечтает Вася. То он лихой наездник, то он лихой разведчик, и даже — эх, размечтался совсем Василий! — не рядовой он уже боец, и если ещё не совсем Будённый, то, право, немногим меньше.

Сидит Василий в высоком просторном зале. Выступают с трибуны ораторы. Не слышит Вася речей и слов — лишь храп да цокот в ушах лошадиный, лишь сабель пронзительный стук.

Но тут...

— Ленин! Ленин! — прошло по залу. И следом словно в бою: — Ура!

Васе казалось, качнулись стены. От возгласов рухнет, казалось, зал. По сцене к столу президиума шёл человек. «Ленин»,— признал Василий.

Владимир Ильич сел на свободный стул. Когда овация в зале стихла, Ленин достал карандаш и бумагу. Он внимательно слушал ораторов. В местах интересных кивал головой. Вместе со всеми дружно и долго хлопал.

Потом Владимир Ильич склонился к столу. Карандаш в руках Ленина быстро забегал. «Тезисы пишет,— понял Василий.— Значит, выступит вскоре товарищ Ленин».

Удивился бы очень Вася, если бы видел, чем занят Ленин. Владимир Ильич рисовал. Дом появился на чистом листе бумаги: стены, окна, крыша, труба. Над дверью большая вывеска. На вывеске слово — «Школа».

Через несколько минут Владимир Ильич поднялся, быстро шагнул к трибуне.

— Товарищи,— начал Владимир Ильич,— мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза Коммунистической Молодёжи...

Вася заёрзал на стуле. Какие задачи? Конечно, фронт. Вот сейчас Владимир Ильич расскажет о военном положении страны, о боях на юге, на западе. А потом обратится с призывом, мол, нет для молодёжи главнейшей сейчас задачи, чем защита страны от белых.

Приготовился Вася, ждёт.

«Мне бы лишь в конницу»,— опять о своём Василий. Но что такое?

Ни слова о юге, ни слова о западе. Ни слова о том, что идут бои. Совсем о другом выступает Ленин. И если словом сказать одним, то главной задачей для молодёжи является нынче не слово «фронт», а вовсе другое — «учиться». Это задача из всех задач — вот о чём выступает Ленин.

И дальше о том, почему же учиться.

Потому, что безграмотным быть нельзя. Без

глубоких знаний коммунизм не построишь. А именно ей, молодёжи, строить в стране коммунизм.

И дальше о том, как же учиться.

Учиться упорно. Учиться всему. Помнить, что не первый день живут на планете люди. Любая наука имеет свою историю. Самое лучшее, передовое нужно взять из любой науки.

Но это задачи ещё не все.

Надо не только самим учиться, надо учить других. И не только учить других, надо ещё работать. Пусть самой малой, пусть самой простой будет твоя работа. Но старайся всё делать так, чтобы люди сказали тебе спасибо.

Понял Вася: учёба и труд — вот основные сейчас задачи. Понять Василий понял. А как же, простите, фронт? Нет, в деревню Вася назад не хочет.

В перерыве Вася пробрался к Ленину. Да не только один Василий. Оказалось таких немало. Окружили делегаты Владимира Ильича. Каждый ему о фронте. Под видом, мол, личной просьбы.

И Вася ему о фронте:

— Мне бы в конницу, Владимир Ильич.

Посмотрел Владимир Ильич на Васю, посмотрел на других:

— Что же, товарищи, если речь здесь идёт о фронте, разногласий у нас не будет. Учёба — тот же сегодня фронт. Важнейший к тому же,— добавил Ленин.

ПОСЫЛЬНЫЙ

В 1911 году молодой инженер Графтио разработал проект строительства Волховской гидроэлектростанции. Несколько лет проект ходил по разным царским чинам и инстанциям. Все

говорили: «Да, конечно. Проект хороший. Не мешало б в России построить такую станцию». Но дальше этого дело не двинулось.

Зря хлопотал молодой инженер. Зря обивал пороги.

Кончилось тем, что затерялись его бумаги в каких-то важных министерских столах.

В 1914 году вспыхнула мировая война. Теперь о строительстве и вовсе нечего было думать. Потом произошла революция. Затем гражданская война. Ну, теперь и совсем не до этого.

И вдруг в квартире инженера Графтио раздался звонок. Вышел хозяин к двери. Открыл. На пороге стоит человек. В кожаной куртке, в кожаной шапке. Улыбается человек.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Вы инженер Графтио?

— Да. Графтио это я.

— Товарищ Графтио, я к вам от товарища Ленина.

Отступил хозяин на шаг от двери. Словно на чудо, на пришедшего смотрит. «От Ленина?!» Не верит в такое Графтио. «Это, видимо, кто-то из близких друзей просто со мною шутит».

— Я от товарища Ленина,— вновь повторил посыльный.

Не верит по-прежнему Графтио. «Кто же прислал человека? Это, скорее всего, инженер Горчаков или профессор старик Кривошеин. Это, бесспорно, кто-то из них надо мною шутит».

— Я от товарища Ленина...

Действительно, Ленин прислал посыльного.

А вскоре и сам Графтио был вызван в Москву (жил инженер в Петрограде) и принят Владимиром Ильичём.

Разговор был коротким, но очень ясным.

— Поздравляю. Всё решено,— сказал Вла-

димир Ильич.— Будем строить на Волхове станцию.

Ленин мечтал видеть Россию передовой промышленной электрифицированной страной. Особое внимание он уделял строительству электростанций. Под его руководством был составлен и в 1920 году утверждён знаменитый план ГОЭЛРО — план электрификации России.

Простился Владимир Ильич с Графтио:

— Желаю вам от души успеха.

Возвращался молодой инженер домой, словно летел на крыльях. Гудел паровоз на разъездах. Били колёса на стыках. «Будем строить, строить, строить...» — отдавалось в ушах у Графтио. «Строить, строить, строить...» — как молот, стучало сердце.

После первой встречи инженер Графтио ещё несколько раз виделся с Владимиром Ильичём. Ленин постоянно следил за делами строительства. Вызывал молодого инженера к себе с докладами.

И вот однажды Графтио рассказал Владимиру Ильичу о том самом первом дне, когда на квартиру явился к нему посыльный.

— Я ведь, Владимир Ильич, решил, что кто-то со мною шутит. Чуть не прогнал посыльного.

— Не поверили, значит?

— Не поверил,— признался Графтио.— Не ожидал. Это воистину сказочный случай.

Владимир Ильич расхохотался.

— Сказочный? Ну что же, пусть будет так.

— Я вам, Владимир Ильич, бесконечно за то обязан.

— Мне? Нет уж, увольте. Не я ведь послал посыльного. Революция это сделала.

ЦИФРЫ

Выступая на заседании Совнаркома (речь шла о важном строительстве на Урале), инженер — руководитель работ — спутал в докладе цифры.

Цифры вошли в протокол.

Спохватился докладчик, да было поздно. Заседание кончилось.

Хотел инженер исправить свою ошибку, вернуться в Кремль, извиниться перед Владимиром Ильичём. Хотел, но не решился. Побоялся оставить о себе у Ленина не очень хорошее мнение.

Ко всему, цифры были второстепенными. Завышался лимит на стекло. «Больше — не меньше,— решил инженер.— Строители скажут спасибо. К чему же позорить себя. В цифрах всё равно никто разбираться не станет».

Но сложилось вдруг так, что Ленин проверил цифры.

Пришлось инженеру держать ответ.

— Да,— признался.— Цифры неточные.

Наказывать инженера Владимир Ильич вовсе не собирался. У каждого может случиться ошибка. К тому же ошибка и вправду не была очень важная.

Однако вызванный к Ленину инженер испугался. Подумал, мол, скажет Владимир Ильич: «Плохой инженер. Цифры, как школьник, путает. Нельзя доверять такому дела строительства».

Решил инженер обелить себя:

— Владимир Ильич, не подумайте, право, плохо...

И тут же начал о том, что, если сомнения есть у Ленина, он свои дипломы ему покажет и самые лучшие характеристики.

Слушает Ленин.

— Я ведь ещё тогда... Я сразу заметил свою ошибку.

— Заметили?! — Ленин нахмурился.

— Заметил, Владимир Ильич, заметил. Я ведь в строительстве не новичок. Меня и в Европе знают...

Выслушал Ленин. Покачал головой.

— Значит, знали и не сказали. Знали и скрыли.— Владимир Ильич поднялся из-за стола.— Выходит, элементарно и подло струсили. Значит, ошибка совсем не в цифрах...

— В цифрах, в цифрах, Владимир Ильич. Вот именно в цифрах.

— Нет,— остановил инженера Ленин.— В назначении вашем на этот пост — вот где надо искать ошибку.

По указанию Ленина инженер был с работы снят.

БАРАКИ

Иван Иванович Радченко — начальник Главторфа — сидел как на иголках. Шло заседание Совета Народных Комиссаров. Обсуждался вопрос об организации широкой добычи торфа в районе Шатурского месторождения.

Плохо было с углём тогда в стране. Плохо с бакинской нефтью. Торф спасал многих. К тому же Шатура находилась недалеко от Москвы.

Главторф подготовил смету. Среди прочих расходов были указаны также деньги, необходимые на строительство бараков. Бараки и испортили настроение товарищу Радченко.

На строительство каждого барака Главторф просил утвердить сумму в четыре тысячи рублей. Казалось, возражения вряд ли будут. И вдруг перед самым заседанием подошёл к

Радченко представитель Наркомата финансов:

— Учтите, я буду спорить. Двух тысяч вполне достаточно.

Напрасно товарищ Радченко пытался доказать финансовому работнику, что две тысячи — это не цена, что и четыре тысячи — это только-только, в самый обрез. За половинную сумму барак не построить. А без бараков всё рухнет. Где же рабочим жить?

Но тот оказался неколебим.

«Провалит смету»,— понял товарищ Радченко.

Надежда была только на Ленина. Радченко тут же написал записку Владимиру Ильичу. Ленин прочёл, улыбнулся. В причинах появления этой улыбки теперь и терялся Радченко. То ли будет поддержка Ленина, то ли Ленин тоже в смету не очень верит.

Началось утверждение сметы. Очередь дошла до бараков.

Работник Наркомата финансов, как и предупреждал, резко выступил против. Один из членов Совнаркома его поддержал.

Слово предоставили Радченко.

Защищает он свой проект, а сам то и дело глазами на Ленина косит «Будет помощь, не будет? Будет, не будет?» — гадает Радченко.

Для выступления на заседаниях Совнаркома отводилось минимальное время. Вот и для Радченко:

— Уложитесь за две минуты.

Две минуты! Легко сказать.

Растерялся товарищ Радченко. Не смог впопыхах защитить проект. Глянул на Ленина, сокрушённо подумал: «Ну, всё».

И вдруг.

— Поскольку имеются споры,— сказал Владимир Ильич,— для внесения полной ясности в

дело разрешите задать вопрос.— Повернулся Ленин к товарищу Радченко: — Скажите, товарищ Радченко, вы бараки когда-нибудь строили?

— Строил, конечно, Владимир Ильич. А как же, строил!

И верно. Главторф бараки такие строил.

Повернулся Ленин к работнику из Наркомата финансов и к нему с тем же вопросом:

— А вы когда-нибудь строили бараки? Вы точно знаете, что надо две тысячи рублей?

— Нет, я лично не строил, Владимир Ильич,— смущённо ответил товарищ из наркомата.

— А вы? — обратился Ленин к члену Совнаркома, который поддержал финансового работника.

— Тоже как-то не приходилось,— пожал тот плечами.

— Что же, ставлю вопрос на голосование,— сказал Владимир Ильич.— Есть два предложения. Первое: товарищу, который раньше строил (Ленин сделал ударение на этом слове) бараки,— дать четыре тысячи рублей на барак. Второе: товарищам, которые не строили (в зале прошёл смешок) бараки,— дать две тысячи рублей на барак. Итак, голосую вначале за первое предложение, то есть предложение товарища Радченко. Кто «за»?

Члены Совнаркома дружно подняли руки.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ТОВАРИЩ

На заседании Совнаркома обсуждался план восстановления петроградской промышленности. Разрушилась в годы войны промышленность. Станки износились, сырья не хватает. Город и особенно село нуждались в самом необходимом. Речь шла о резком увеличении выпуска плугов,

других сельскохозяйственных орудий. О производстве гвоздей, мануфактуры, обуви для населения.

Выступает докладчик. Все ждут, что вот сейчас он заговорит о том, как быстрее и лучше наладить работу петроградских заводов. Приведёт цифры, укажет сроки. Однако нет.

— Перед нами великие цели,— начал оратор.— Да здравствует мировая революция! — И далее про то, что наступит такое время, когда на всём белом свете капиталистов и всех прочих других богачей-захребетников лишь в сказках, как леших, встретишь.

Сказал и чуть ли не в грудь себя кулаком ударил.

Слушает Ленин.

Продолжает докладчик. Голос крепчает, крепчает, крепчает. Слова потоком весенним льются.

— Советская власть — вот она лучшая власть на земле. Сбылась вековая мечта трудящихся...

Слушает Ленин. Брови слегка нахмурил.

Продолжает докладчик:

— Сами рабочие, сами крестьяне — вот кто страной владеет. Всё для рабочих, всё для крестьян — вот кто нынче хозяин страны.

Остановил Владимир Ильич оратора:

— Скажите, а как с производством гвоздей на петроградских заводах?

— Делаем гвозди, Владимир Ильич,— бодро ответил докладчик.

— А если точнее?

Смутился докладчик, задумался.

— Простите, Владимир Ильич, нет здесь при мне необходимых сведений.

И тут же опять про общие положения.

Выждал Владимир Ильич минуту, вновь задаёт вопрос:

— А как с производством мануфактуры для населения?

— Будет, Владимир Ильич, мануфактура, будет. Дадут её наши рабочие.— И тут же опять общие слова полились.

В третий раз перебивает Владимир Ильич докладчика:

— Скажите, а как с производством плугов? Какие у петроградских заводов возможности? Как скоро деревня сможет рассчитывать на помощь рабочих?

Остановился докладчик. Старается что-то вспомнить. Не вспомнил.

— Простите, Владимир Ильич, не помню я этих данных.

Кашлянул в руку, прочистил голос. И опять запел соловьём о том, как шагнём в будущее. Лихо бросает слова докладчик.

Поднялся Ленин:

— Не шагнём, дорогой товарищ. Не шагнём.

Смутился докладчик.

— Не шагнём,— повторил Ленин.— С такими методами работы далеко не уедешь. Где у вас плуги, мануфактура, гвозди? Как и в какие сроки вы обеспечите выработку их для деревни? В силу Советской власти рабочие и крестьяне давно поверили. Не слова, пусть даже самые красивые, решают теперь успех, а дело. Живое, конкретное дело.

Как ни странно, но у докладчика нашлись защитники. После заседания один из них сказал Владимиру Ильичу:

— Строговато вы, Владимир Ильич.

— Строговато? Нет, мягко.

— Товарищ он ответственный, Владимир Ильич. Как-то неудобно. Это подорвёт его авторитет.

— Удобно, вполне удобно,— ответил Ленин.

Посмотрел на защитников: — Ответственный? Безответственный он товарищ.

Вечером, в числе других, Владимир Ильич сделал для себя и такую пометку: «от агитатора к организатору». Это были наброски к новой статье Владимира Ильича. Называлась она «Очередные задачи Советской власти».

НЕДЕЛЯ И ДВЕ НЕДЕЛИ

В одном из южных районов страны, недавно освобождённом от белых, шло срочное строительство очень важной новой железной дороги.

Послал Владимир Ильич строителям дороги телеграмму. Потребовал, чтобы о ходе работ докладывали ему лично. Указал сроки — каждые две недели.

Поинтересовался Владимир Ильич и теми, кто будет поставлять строителям нужные материалы — рельсы, шпалы, строительный инструмент. Распорядился, чтобы во все эти предприятия за его подписью тоже были посланы телеграммы. Потребовал Ленин, чтобы руководители и этих предприятий докладывали ему лично, как идёт поставка всего необходимого строителям дороги. Указал и тут сроки — каждую неделю.

Узнали предприятия-поставщики, что им докладывать Владимиру Ильичу каждую неделю, а строителям лишь раз в две недели:

— Почему так?

— Почему им раз в две недели?!

— Почему нам раз в неделю?!

Решили, что где-то произошла ошибка.

Обратились они к одному из секретарей Владимира Ильича:

— Где-то произошла неточность.

Объясняют: мол, так и так — строителям со-

общено, чтобы они один раз в две недели докладывали Владимиру Ильичу о том, как идёт сооружение дороги, а им, поставщикам,— докладывать раз в неделю.

— Разночтение,— говорят поставщики.

Сличил секретарь телеграммы. Верно — разные сроки указаны в телеграммах.

Подумал: возможно, телеграфист ошибся.

Проверил: нет, не ошибся телеграфист.

Подумал: возможно, машинистка ошиблась.

Заколебалась машинистка, хотя и уверяет, что именно так ей продиктовал Владимир Ильич.

Решил секретарь уточнить у Владимира Ильича.

— Владимир Ильич,— объясняет он Ленину,— видимо, маленькая неточность получилась с телеграммами, посланными строителям дороги и предприятиям-поставщикам. Где-то вкралась, Владимир Ильич, ошибка. Думаю, скорее всего, вас не совсем точно поняла машинистка.

Показал он Владимиру Ильичу обе телеграммы.

Посмотрел Ленин:

— Какая ошибка? Всё точно.

— Вот же, Владимир Ильич,— говорит секретарь и обращает внимание Ленина на те места, где указано про одну и про две недели.

— Ах, здесь,— произнёс Ленин.— Нет, нет. Здесь всё верно. Так и следует читать: в одном случае — неделя, в другом — две недели.— Посмотрел Владимир Ильич на секретаря: — Если подведут поставщики, не доставят вовремя рельсы, шпалы, строительный инструмент, как прикажете быть строителям? Произойдёт задержка, а то и срыв строительства. Двойная ответственность у поставщиков,— сказал решительно Ленин.— Вот и контроль повышенный.

БОЛТЛИВАЯ ТЕЛЕГРАММА

В городе Константинополе в Турецкой республике советский представитель А. П. Серебровский вёл переговоры о заключении торговых договоров.

Кроме работников турецких торговых фирм, приехали в Константинополь коммерсанты из Франции и из Италии.

Заключил Серебровский торговые договора, посылает телеграмму на родину.

Пишет о том, что вёл переговоры. И были на них не только турецкие коммерсанты, но и французские, и не только французские, но и итальянские. Со всеми ними он, Серебровский, познакомился, со всеми заключил торговые договора.

Пишет Серебровский, что встретили его хорошо, что работал он с утра и до позднего вечера. Времени зря не тратил.

Сообщает Серебровский, что заключил он договора на редкость выгодные. Такие выгодные, что просто сам не ожидал такого.

Короче, прислал он телеграмму длинную-предлинную. Длиннее письма. Всё изложил подробно. Даже указал, какая погода стоит в Константинополе.

Обо всём написал Серебровский, но не о главном.

Попала телеграмма к Владимиру Ильичу. Читает Ленин про погоду, про то, что Серебровский работал с утра и до позднего вечера, что заключил он на редкость выгодные договора.

Ищет Ленин в телеграмме такое место, где было бы сказано подробнее про договора. Задаёт Владимир Ильич вопросы:

— Чем они выгодные?

— Что поставят Советской стране зарубежные фирмы?

— На какую сумму?

— Как скоро?

— В какие сроки?

Дважды прочитал Владимир Ильич телеграмму, но не нашёл ответа. Отложил её в сторону.

— Болтуны развелись. Болтуны и хвастуны,— сказал Ленин.

Не только сказал, но и тут же написал об этом самому Серебровскому. Так и начал:

«Прочёл вашу болтливую телеграмму...»

А ниже:

«Сообщите короче, точнее...»

И ещё ниже — подпись, но не как обычно, а без слова «привет», без слова «Ваш», без слова «дружески», официально и коротко — «Ленин».

Получить такой ответ от Владимира Ильича — это редчайший случай. Понял Серебровский свою ошибку, переживал её долго и искренне.

«ВЕРМИШЕЛЬНЫЕ» ДЕЛА

Много разных вопросов выносилось на рассмотрение Совнаркома. Растёт количество всяких дел. Больше их. Больше. Всё больше. Чуть ли не до ста всевозможных пунктов в каждой повестке дня.

Обилие вопросов удлиняло часы заседаний Совнаркома, утомляло людей, попадались вопросы мелкие, второстепенные. Рассмотрение их отвлекало от решения дел больших, государственных. Беспокоило это Ленина.

Готовясь как-то к очередному заседанию Совнаркома, Владимир Ильич предложил резко сократить намеченную повестку дня. Прочёл вслух несколько вопросов, сказал:

— Это дела для Совнаркома мелкие, «вер-

мишельные». Надо создать специальную комиссию. Пусть она и рассматривает такие дела.

Метким, броским оказалось выражение — «вермишельные» дела. Даже в одном из протоколов Совнаркома было записано: «Создать «вермишельную» комиссию по рассмотрению мелких «вермишельных» дел».

Правильным было решение, разумным. Легче теперь будет работать Совнаркому.

Узнал один из советских хозяйственных работников о решении, принятом по предложению Владимира Ильича, обрадовался. Служил он начальником жилищного управления. Немало было непорядков в его хозяйстве. Немало поступало на управляющего жалоб. Даже раздавались предложения вынести разговор о его работе на заседание Совнаркома.

Заволновался было работник, а теперь успокоился:

— Дело моё — «вермишельное». К товарищу Ленину не попадёт. Я за семью замками.

Однако рано радовался нерадивый работник. Узнал Владимир Ильич о жалобах. Распорядился проверить работу жилищного управления.

— Так это же дело «вермишельное»,— говорят Владимиру Ильичу.

— Нет, это дело серьёзное,— ответил Ленин.— Серьёзное потому, что связано с бытом и жизнью людей.

Разобрались проверяющие товарищи в делах жилищного управления. Доложили Владимиру Ильичу:

— Справедливы жалобы.

Пришлось Ленину наказать виновных.

Даже в газетах было сообщено о плохой работе жилищных работников.

Владимир Ильич внимательно следил за тем, как работала «вермишельная» комиссия.

— «Вермишельные» дела — это понятие условное,— говорил Владимир Ильич.— Даже самое мелкое дело не всегда второстепенное. Не страшны дела «вермишельные». Бойтесь «вермишельного» отношения к делу.

РАДИКАЛЬНЫЕ МЕРЫ

Заседания Совнаркома проходили чётко, энергично, по-деловому. Стремился Владимир Ильич и к тому, чтобы заседания не отрывали от других дел большого числа людей. Приглашались наркомы, их заместители, очень редко другие лица.

Однако со временем стал замечать Ленин, что всё расширяется и расширяется круг участников заседаний. В ожидании люди толпились у входа в зал. Курили. Даже играли в шахматы. Ясно, пропадает у людей дорогое, рабочее время.

Проходил как-то Владимир Ильич мимо группы таких ожидающих, спросил у одного:

— Кем приглашены?

— Нашим наркомом, Владимир Ильич,— услышал Ленин бодрый ответ.

Обратился Владимир Ильич ко второму:

— Кем приглашены?

— Нашим наркомом, Владимир Ильич,— ещё более бодро ответил этот.

После того как заседание закончилось, Владимир Ильич спросил у первого из наркомов:

— Зачем вы пригласили столько людей?

— На всякий случай, Владимир Ильич,— ответил нарком.

— Как так на всякий случай?

— Это консультанты из моего наркомата,— стал объяснять нарком.— Вдруг возникнет необходимость в какой-то справке.

— Так ведь не возникла же.

— Сегодня — нет. А завтра — да. Потому и на всякий случай.

Выяснилось, что и второй нарком пригласил лишних людей по тем же самым причинам.

И третий нарком, и четвёртый тоже сказали:

— На всякий случай.

Сделал Владимир Ильич строгое замечание наркомам.

Помогло замечание Ленина.

Однако прошло какое-то время, видит Владимир Ильич, что снова растёт число присутствующих в зале.

Снова в ожидании начала заседаний люди собираются группками, курят, играют в шахматы.

Вновь пришлось Владимиру Ильичу сделать наркомам замечание.

Вновь ненадолго помогло замечание.

— Да-а,— произнёс Ленин.— Нужны радикальные меры. Радикальные.

Распорядился тогда Владимир Ильич, чтобы из зала заседаний вынесли лишние стулья.

Явились наркомы и их консультанты на очередное заседание. Не хватает для всех стульев. Сели одни, а другие прижались к стене, стоят. Остались без места и два наркома.

— Ну что же, начнём работу,— сказал Ленин.

Подействовали стулья. Не стало с этого времени людей «про запас» на заседаниях Совнаркома.

Улыбался Владимир Ильич, разводил руками:

— Радикальные меры!

ЗАСМЕЮТ

Нефть! Были моменты в жизни молодого Советского государства, когда нефть делили на заседаниях Совнаркома.

Приходилось закрывать фабрики. Во многих районах люди лишались работы. Производство падало.

Куда посылать за нефтью? Где её взять?

Грозный? Баку?

Отрезан от Советской Родины Грозный. Перехвачены врагами пути из Баку.

1919 год. Декабрь. Лихое, страшное время.

Ленин склонился над картой. Вот Чёрное море. Вот Кавказ. Вот море Каспийское. Взгляд Ленина скользит дальше. Задержался на северо-востоке от Каспия. Тут в Каспийское море впадает река Урал. Вот далёкий Гурьев, в то время небольшой городок на реке Урал. Вот река Эмба. Взгляд Владимира Ильича остановился.

Недавно в этих местах в междуречье Урала и Эмбы было открыто Эмбинское месторождение нефти.

Но и Гурьев, но и Эмба в руках у белых.

Походил Ленин по кабинету. Наконец решительно направился к телеграфисту. Продиктовал:

— «Астрахань... Обсудите немедленно... нельзя ли завоевать устье Урала и Гурьев для взятия оттуда нефти, нужда в нефти отчаянная».

И вот Красная Армия начинает наступление. Полки знаменитой Чапаевской дивизии идут к Эмбе. Удар стремителен. Он неожидан для врага. Белые поспешно бегут. Они не успевают даже поджечь добытую нефть.

У далёкого Гурьева ещё идут бои. А в Мо-

скве на заседании Совнаркома Ленин уже ставит вопрос о вывозе эмбинской нефти.

Не все настроены оптимистично. Есть скептики. Как же из такого далека доставить нефть в центральную часть России? Район, где обнаружена нефть, заброшенный, почти дикий, железные дороги за много и много вёрст. К тому же сейчас зима. Декабрь. Трещат морозы. По бескрайним Прикаспийским степям носятся ветры. Снежные бураны застилают пути.

Как же вывезти нефть из-под далёкого Гурьева?

Кто-то предложил:

— Надо строить железную дорогу, Владимир Ильич.

Все молчат. Молчит и Ленин. Все понимают: время не ждёт. Предложение в настоящий момент нереальное.

Встал Губкин. Молодой учёный-нефтяник, геолог, человек пылкий, но и практичный.

— Владимир Ильич, предлагаю нефть перевозить в бочках, на верблюдах.

Послышалась реплика:

— На верблюдах!

— На верблюдах,— ответил Губкин.

Предложение фантастическое. Кто-то не сдержался. Раздался смешок.

Ленин не шевельнулся, не прореагировал на смех. Общая тишина вновь установилась в зале. Все смотрят на Владимира Ильича. Что же ответит Ленин? И вдруг.

— Да, да, в бочках! — решительно поддержал Владимир Ильич Губкина.— На верблюдах! А если надо — на собственных плечах.— Повернулся к хихикнувшему товарищу: — Есть у вас другой способ?

— Да нет, Владимир Ильич. Но как-то странно... Нас засмеют...

— Что же, пусть засмеют. Лишь бы нефть доставить.

Тронулись в путь верблюды.

20 тысяч пудов нефти в бочках было доставлено из Эмбы к железной дороге. Прибыла нефть в Москву.

ДВА МАНДАТА

1918 год. Осень. Владимир Ильич подписывал удостоверение одному из видных военных работников.

Холод. Разруха. Голод. Вот и чернила совсем не пишут. И бумага! Горе-бумага. Чуть ли не брёвна торчат в бумаге. Осторожней — занозу схватишь.

Обмакнул Ленин перо в чернильницу. Неясная получилась подпись, бледная. Пришлось второй раз расписываться Владимиру Ильичу.

Потом секретарь долго дышал на печать, наконец приложил её к бланку. Вышла печать едва заметной. Что значится — прочитать трудно.

Спрятал военный работник мандат в карман. Уехал сражаться с белыми. По многим фронтам бросала его война. Хранила от пуль судьба.

Разбила Красная Армия белых генералов, прогнала иностранных захватчиков. Приступила молодая Советская страна к мирной жизни, к делам строительства.

Получил бывший военный работник назначение на высокую хозяйственную должность. Вновь он у Ленина в кабинете. Снова перо, бумага. Вновь подписывает Владимир Ильич для ответственного работника служебное удостоверение.

Расписался Владимир Ильич.

Посмотрел работник на бланк, на печать, на

подпись Владимира Ильича. Бланк отпечатан на хорошей бумаге. Печать ясная, чёткая. Чернила сочные. Приятно удостоверение держать в руках.

Достал работник свой прежний мандат.

— Покажите, покажите,— заинтересовался Владимир Ильич.

Передал работник удостоверение Ленину. Посмотрел Владимир Ильич на горе-бумагу, на едва различимую печать, на подпись свою — вспомнил, как дважды пришлось расписываться. Сравнил старый мандат с новым. Улыбнулся.

— Два года всего прошло. Два года.

Решающими были эти два года для молодой Советской Республики. Окончательно разбиты враги. Стало налаживаться производство. Сибирский хлеб, кавказская нефть пришли в центральные районы страны. Начала налаживаться торговля с другими странами. Простые люди всего мира с гордостью смотрели на достижения первого рабоче-крестьянского государства.

— А печать-то, печать-то какая отличная, Владимир Ильич,— продолжая рассматривать новый мандат, восторженно говорил работник.— И бумага, и чернила...

— Да, печать отличная,— согласился Ленин. Сравнил два мандата.— Два года. Два года...— задумчиво повторил Владимир Ильич. Поднял глаза на работника. Заискрились глаза у Ленина.— Два мандата — два времени.

НАСТОЙЧИВЫЙ

В Москве в Кремле под председательством Владимира Ильича Ленина шло важное заседание. Обсуждались вопросы, как быстрее и лучше восстановить разрушенное войной производство.

Приехали на него представители из разных губерний и городов России. Выступал один из таких представителей товарищ Петров-Сорокин.

Выступает Петров-Сорокин, а сам нет-нет на Ленина глаза скосит. Наблюдает, внимательно ли слушает его Владимир Ильич. Вдруг заметил: взял Владимир Ильич какие-то бумаги. Придвинул к себе, углубился в чтение.

Хотел замолчать, остановиться Петров-Сорокин. Обидно ему, если Владимир Ильич его слов не услышит. А ведь для этого и приехал.

Замедлил речь. И вдруг Ленин:

— Продолжайте, товарищ, продолжайте. Вы сказали: «В нашей работе мы испытываем большие трудности. Много у нас в нашей губернии ещё разных недостатков». Итак, какие же недостатки у вас в губернии? Какие трудности вы испытываете?

Опешил Петров-Сорокин. Слово в слово повторил Ленин его слова.

Продолжил Петров-Сорокин своё выступление. Сообщил о недостатках. Сказал о трудностях.

Выступает Петров-Сорокин, а сам вновь нет-нет на Владимира Ильича посмотрит.

Слушает Ленин. Прошла минута, вторая. Видит Петров-Сорокин: потянулся Владимир Ильич к чистому листу бумаги. Придвинул к себе, стал что-то быстро писать.

«Вот теперь-то,— понял Петров-Сорокин,— конечно, Ленин меня не слушает. Уж очень сосредоточенно он что-то пишет».

Хотел остановиться опять оратор. Замедлил речь. Но вспомнил о деле.

Оторвался Владимир Ильич от листа бумаги. Повернулся к Петрову-Сорокину:

— Продолжайте, продолжайте. Вы сказали: «Больше всего нас беспокоят дела с налажива-

нием транспорта. Нас очень подводят товарищи из соседних губерний». Итак, в чём вас подводят товарищи? Из каких губерний?

Вовсе сражён был Петров-Сорокин. Даже не сразу продолжил речь. Всё смотрел удивлённо на президиум, на Ленина.

— Продолжайте,— сказал Ленин.

Продолжает Петров-Сорокин своё выступление. А самого так и тянет вновь посмотреть на Ленина. Видит, подошёл к Ленину секретарь, что-то стал говорить Владимиру Ильичу. Ленин что-то ответил. Снова какой-то вопрос у секретаря. Вновь отвечает Ленин.

Яснее ясного Петрову-Сорокину: не может же Владимир Ильич в одно и то же время отвечать секретарю и следить за его выступлением.

Снова хотел сделать паузу. Разволновался, что в третий раз помешал Ленину. Замедлил речь. Но надо же говорить о деле.

— Продолжайте, продолжайте,— помахал ему рукой Владимир Ильич.— Продолжайте. Вы сказали: «У нас есть просьба к Совету Народных Комиссаров». Итак, какая же это просьба?

Чуть ли не ахнул на весь зал Сорокин. Верно, именно эти самые слова он только что произнёс с трибуны.

Закончил Петров-Сорокин своё выступление. Всё поражался изумительному дару Владимира Ильича.

В перерыве ходил по залу:

— Вот это да! Вот это да!

К одному подошёл, к другому.

Только все как-то странно на Сорокина смотрят. Знали многие поразительную особенность Владимира Ильича, знали, что умел он сразу на двух, на трёх вещах сосредоточить своё внима-

ние, знали, что масса у Ленина всяких дел, что любой минутой дорожил Ленин. А тут — Петров-Сорокин. Трижды во время своего выступления мешал он Владимиру Ильичу, отрывал от работы Ленина.

Расстроился очень Петров-Сорокин. Хотел тут же извиниться перед Владимиром Ильичём. Сделал шаг. Поднял глаза, видит, Ленин идёт по залу. Увидел и Ленин Петрова-Сорокина. Подошёл.

— Молодец, хорошо выступали,— сказал Владимир Ильич, обращаясь к Петрову-Сорокину.— Вижу, вы человек настойчивый. Болеете за своё дело.

КАПРИЗНИК

Изобретатели. Немного их было в те — первые годы Советской власти. Тем с большим вниманием требовал Владимир Ильич относиться к работе и предложению каждого.

— Изобретателям надо помогать,— говорил Владимир Ильич.— Труд их тяжёлый. Не всегда здесь сразу бывает удача. Важно хранить терпение. Мало того, может попасться капризник. Это народ особый, у них есть свои странности. Надо считаться и с этим.

Надолго запомнился всем в Совнаркоме один из таких капризников. Работал он над очень важным изобретением. Был приглашён в Москву откуда-то с юга. Владимир Ильич поручил заботу о нём советскому работнику товарищу Николаеву.

Раздобыл Николаев для изобретателя отдельную комнату.

Прожил в ней капризник неделю — и вдруг.

— Нет,— говорит,— подыщите другую.

Не понравилась чем-то комната.

Подыскал Николаев другую комнату.

Прожил в ней капризник неделю — и вновь:

— Нет,— говорит,— подыщите другую.

Обои ему не понравились. Дверь как-то не так скрипит.

Вот так капризник!

Бегает Николаев, ищет комнату в третьем месте. Нашёл...

— Нет,— говорит капризник.— Я передумал. Я лучше поеду за город.

Поселили его за городом. В дачном и тихом месте. Сосны, берёзы кругом растут. Речка Яуза где-то вьётся.

Прошла неделя. Не просит другого капризник. Успокоился Николаев.

Но тут... закрылся капризник в комнате. Никого не пускает, не ест, не пьёт. И даже неясно, жив ли ещё человек, а может, и вовсе помер.

Заглянул Николаев в окно. Видит, лежит изобретатель поперёк кровати. Совсем не дышит. Взором уставился в потолок.

Перепугался Николаев. Доложил Владимиру Ильичу о странном таком поведении.

— Лежит поперёк кровати? Не ест, не пьёт?

— Так точно, Владимир Ильич.

— Это хороший признак. Значит, идёт работа.

Пожал Николаев плечами. «Ну и работа — уставился в потолок!» Поехал опять за город. Смотрит — на даче капризника вовсе нет. Три дня пропадал он, а где — неизвестно. Наконец вернулся.

И вот тут началось.

То какие-то книги ему разыщи, то приборы ему притащи, то достань ему олово, серу, поташ, буру. Десятки каких-то растворов. То раздобудь аппарат для пайки. То нужен ему вольтметр,

то нужен ему амперметр, то... От одних названий голова у Николаева кру́гом. А главное, попробуй всё это достать. Измучился Николаев. Вызвал помощников. Измучил помощников.

Да что Николаев, да что помощники, сам Владимир Ильич немало часов потратил, стараясь помочь капризнику.

А кончилось тем, что у капризника с его изобретением так ничего и не получилось.

Николаев был даже рад. Сказал он с укором Владимиру Ильичу:

— Вот видите, Владимир Ильич, зря вы лишь время своё дорогое на разных капризников тратите.

— Нет, вовсе не зря,— ответил Ленин.— В каждом деле возможны срывы. Не всегда удача приходит сразу...

Прав оказался Владимир Ильич. Через несколько лет капризник сделал в науке очень большое открытие.

ДОМАШНИЙ АРЕСТ

На одного из работников Совнаркома Владимир Ильич наложил домашний арест.

Расстроился очень работник. Кому же приятен арест! К тому же по указанию товарища Ленина.

Однако потом слегка успокоился. «Ну что же,— подумал,— раз так случилось, посижу, поваляюсь дома. Книжек давно не читал. С детьми поиграю. Письма в деревню родным напишу. Отосплюсь вволю».

Дел в Совнаркоме было всегда полно. Работали много, себя не щадили. В общем, даже чем-то остался довольным виновный — неожиданно отдых выпал.

Наступил первый день ареста.

Утро. За окнами поздний осенний рассвет. Дождь монотонно по стёклам лупит. Лежит работник в тёплой постели. Блаженным храпом во сне трубит. Вдруг телефонный звонок.

Спящий поморщился. С бока левого перевернулся на правый.

Снова звонок.

Открыл работник глаза. Что там ещё такое? Встал. Зевнул, потянулся лениво к трубке:

— Слушаю.

— Говорит Ленин.

От неожиданности растерялся работник.

— Слушаю вас, Владимир Ильич.

— Что же вы, батенька, не на работе? Вы заболели? У вас неприятности дома?

— Нет, всё в порядке,— ответил работник.— Да я же... у меня же...— хотел он сказать, что домашний арест...

Но Владимир Ильич не дослушал.

— Тогда приезжайте. Немедленно.— Ленин повесил трубку.

Собрался работник. Мчит в Совнарком. Вообще-то был он работник хороший. Аккуратный, смелый, в работе быстрый. Мчит, по пути соображает:

«Забыл, наверное, Владимир Ильич про арест. А может, вообще изменил решение. Уж велика ли моя вина: подумаешь, грех — на письмо какого-то Мышкина слегка задержался с ответом».

Примчал работник в Совнарком. Явился к товарищу Ленину.

— Пришли! Так быстро? Молодец. Приступайте к работе,— заявил Владимир Ильич.— А за опоздание вам, батенька, выговор, выговор. Пусть для первого раза устный.

— Владимир Ильич, значит, арест того...

— Нет, арест остаётся,— ответил Ленин.— Арест арестом, работа работой.— И уточнил: — Будем считать, что домашний арест не освобождает от работы.

«УСПЕЛ, НЕ УСПЕЛ?»

Весной 1920 года иваново-вознесенские текстильщики решили восстановить ткацкое производство, пришедшее в упадок в годы гражданской войны. Составили предложения. Направили в Москву своего представителя — рабочего-текстильщика товарища Королёва.

Прибыл Королёв в Москву, обратился в нужные ведомства, но почему-то не получил поддержки.

Неудобно Королёву возвращаться назад в город Иваново-Вознесенск с невыполненным поручением. Решил он добиться приёма у товарища Ленина.

Заинтересовался Владимир Ильич предложением иваново-вознесенских ткачей. Принял товарища Королёва. Внимательно выслушал.

Сложилось так, что как раз в этот день вечером должно было состояться заседание какой-то важной комиссии, которая могла рассмотреть и одобрить начинание иваново-вознесенских рабочих. Пригласил Владимир Ильич Королёва выступить на заседании этой комиссии. Сказал, что будет там председательствовать.

Рад Королёв. Только одно тревожит. Должен он срочно вернуться в Иваново-Вознесенск. Да и негде в Москве ночевать Королёву. Поезд в Иваново-Вознесенск уходит в семь часов сорок минут вечера, а заседание назначено на семь часов. Не поспеть Королёву на поезд.

С детства мечтателем был Королёв. Началось заседание. «Вот бы свершилось чудо,— стал

фантазировать Королёв.— Вот бы дали мне первому слово. Возможно, успел бы тогда на поезд».

Только подумал. И вдруг.

— Слово имеет товарищ Королёв,— произнёс Ленин.

Не ожидал Королёв. Опешил.

— Мы вас слушаем,— сказал Владимир Ильич. И указывает время: — Пять минут для доклада.

Изложил Королёв предложение иваново-вознесенских ткачей. Как раз в пять минут управился.

Одобрила комиссия эти предложения.

— Успехов вам,— сказал, прощаясь, Владимир Ильич.— Передайте мой привет товарищам текстильщикам.

Вышел Королёв из зала. Поражён он своей удачей.

«В сорочке родился. В сорочке родился. И предложения приняли,— глянул на часы,— и, если поспешить, на вокзал успею. Эх бы машину сейчас»,— стал фантазировать Королёв.

Только подумал. И вдруг.

— Товарищ Королёв,— произнёс секретарь в приёмной,— есть возможность отправить вас на вокзал в автомобиле.

Словно громом сражён Королёв.

— Поторопитесь,— сказал секретарь.

Сел Королёв в машину.

«В сорочке родился. В сорочке родился. Эка ж, удача идёт к удаче».

Вовремя прибыл к поезду Королёв.

Идёт он перроном. С детства мечтателем был Королёв. Вот и сейчас мечтает:

«Эх бы попасть в вагон. Эх бы и влезть, эх бы и сесть». (Трудно было тогда с поездами, трудно было тогда и с местами.)

Подошёл он к вагону. И вдруг.

— Товарищ Королёв?

— Королёв.

— Проходите в вагон, садитесь.

Ожидает Королёва в вагоне свободное место.

— Чудеса,— произнёс Королёв.

Сидит он в вагоне.

Мчит паровоз.

«В сорочке родился. В сорочке родился,— опять о своём Королёв. Вспоминает приём у Ленина, удачно выполненное поручение иваново-вознесенских ткачей, автомобиль, свободное место в вагоне.— Вот так повезло. В сорочке родился. В сорочке».

Продолжается в Москве у Ленина важное заседание.

Посмотрел Владимир Ильич на часы. Семь часов сорок одна минута. Представил Ленин на миг Королёва: «Как там — точно ли выполнил всё секретарь? Успел Королёв на поезд? Успел, не успел, на поезд?»

НОВЫЕ ВАЛЕНКИ

Должность у Кати была маленькая, маленькая — «куда пошлют» называлась. Работала она посыльной в одном из советских учреждений.

Вызвал однажды Катю к себе начальник, вручил важный пакет, наказал срочно идти в Кремль, передать пакет лично товарищу Ленину.

Отправилась Катя. Идёт, торопится. А сама всё время на свои валенки посматривает.

Валенки у неё старые, старые, с дырками. Отжили они свой век. Истоптала их Катя, бегая по разным учреждениям.

Неловко Кате в таких валенках являться к Владимиру Ильичу. Да что поделаешь. Трудно в те годы было с обувкой.

Правда, мог бы о Кате позаботиться её начальник. Только ведь начальник постоянно разными важными делами занят. Где ему думать о Катиных валенках.

Пришла Катя в Кремль. Пропустили её в кабинет к Владимиру Ильичу. Передаёт Катя пакет товарищу Ленину, а сама старается сделать так, чтобы Владимир Ильич не обратил внимания на её валенки.

Думала Катя, передаст пакет и сразу уйдёт. Однако Владимир Ильич задержал девушку. Стал он интересоваться, давно ли Катя работает. Где училась, сколько классов окончила. Есть ли у Кати родители.

Ответила Катя Владимиру Ильичу на его вопросы, простился Ленин с девушкой, пожелал ей успехов.

Довольна Катя. Казалось ей, что Ленин так и не заметил, какие у неё на ногах валенки.

Однако Владимир Ильич заметил. Снял Ленин тут же телефонную трубку, позвонил Катиному начальнику, пристыдил, что начальник плохо заботится о своих подчинённых.

Прошло два дня, и вот вызывают Катю опять к начальнику. Переступила Катя порог кабинета и замерла: в руках у начальника валенки — новые, фетровые, с галошами.

— Ну что же, бери,— сказал начальник растерявшейся Кате.

Смутилась Катя, не решается шаг сделать.

— Бери,— рассмеялся начальник.

Взяла Катя валенки, побежала вниз, примерила. Оказались они точь-в-точь по Катиной ноге.

Идёт Катя в обнове по морозным московским улицам. Хрусть-хрусть под ногами снег.

ПУГОВИЦА

Заметил как-то Владимир Ильич, что на кармане пиджака одного из сотрудников Совнаркома оторвана пуговица. Заметил. Смолчал. Прошёл мимо.

Случилось так, что и на второй день встретил Владимир Ильич того же сотрудника. Смотрит. Всё так же нет на пиджаке пуговицы.

Не оказалось её и на третий день. Лишь на четвёртый: видит Ленин — пришита пуговица.

«Наконец-то»,— порадовался Владимир Ильич. Даже настроение как-то повысилось.

Стояла пора, когда в стране было особенно трудно с хлебом. Его не хватало в городах и рабочих посёлках. Хлеб был в сёлах, но его укрывали кулаки — деревенские богатеи.

Для того чтобы обеспечить население городов хлебом, по разным концам страны разъезжались продовольственные отряды. Начальником одного из таких отрядов предложили назначить и того сотрудника Совнаркома, которому Ленин собирался сделать замечание про пуговицу.

Заколебался Владимир Ильич.

Говорят Ленину:

— Человек дельный.

— Человек заслуженный.

— Человек исполнительный.

Хотел Владимир Ильич сказать про пуговицу. Да смолчал.

Уехал сотрудник во главе продовольственного отряда.

Прошло какое-то время. Докладывают Ленину. Мол, так и так — не справился сотрудник с порученным ему делом. Не обеспечил доставку хлеба. Мало того, сожгли кулаки собранный продотрядами хлеб.

— А ведь могло этого не быть,— доклады-

вают Ленину.— Не предусмотрел сотрудник. Не побеспокоился. Не обеспечил вовремя надёжной охраны хлеба.

Были и такие, кто взял под защиту начальника продовольственного отряда:

— Владимир Ильич, произошла случайность.

Слушает Ленин. А сам на листке бумаги что-то рисует. Заинтересовались другие. Что там рисует Ленин? Глянули на бумагу. На бумаге нарисована пуговица.

ОТПУСК ЧИЧЕРИНУ

Народный комиссар иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин, которого Ленин очень ценил и любил, установил у себя в наркомате порядок, который не мог долго считаться нормальным.

Втянулся Чичерин в ночные часы работы. Втянулся нарком, втянулись и другие сотрудники. Засиживались они в наркомате до позднего часа. Кончалось тем, что не только днём, но и ночью стал работать Народный комиссариат иностранных дел.

Шутка даже стала ходить о работниках наркомата. Называли их:

— Ночные совы.

— Совы, действительно совы,— усмехался Владимир Ильич.— Это негодная практика.

И раз, и два заговаривал Владимир Ильич с Чичериным.

— Дорогой Георгий Васильевич,— начинал Владимир Ильич.— А не кажется ли вам...— И далее Ленин говорил о том, что порядок работы в комиссариате иностранных дел противоестественный, что людям нужен нормальный рабочий день, нормальный отдых.

Соглашался Чичерин. Говорил:

— Да, да.

Однако всё продолжалось по-прежнему.

Не хотелось Владимиру Ильичу прибегать к власти, обижать Чичерина прямым указанием об изменении порядка работы в наркомате.

— Что-то надо придумать. Что-то надо придумать. Необидное, но решительное.

Как-то Владимир Ильич сказал:

— Давайте начнём с того, что назначим в Наркомат иностранных дел нового управляющего. Лучше кого-нибудь из бывших матросов,— посоветовал Владимир Ильич.— У них рука твёрдая.

Назначили бывшего матроса. Поручили ему решительно перестроить весь порядок работы в Наркомате иностранных дел.

— А как Чичерин? — спросил новый управляющий.

— А мы ему предоставим на это время отпуск,— сказал Владимир Ильич.

Сопротивлялся Чичерин. Не хотел уходить в отпуск. Ссылался на массу дел.

Однако Ленин проявил настойчивость.

— На отдых. На отдых. Категорически на отдых. Вы, батенька, совсем осунулись. Можно сказать, посерели, с землёй по цвету сравнялись. Вид совсем не наркомовский. К тому же по делам иностранным. На отдых. На отдых!

Отбыл на отдых нарком Чичерин.

А в это время всю работу Наркомата иностранных дел перестроили на дневной лад.

Вернулся Чичерин:

— Чьё распоряжение?!

— Ленина.

Хотел было Чичерин отправиться с протестом к Владимиру Ильичу. Да не пошёл. Втянулся в новый стиль работы. Даже удобней стало.

ГАЛОЧКА

Ленин очень любил книги. Возьмёт Владимир Ильич книгу в руки, на переплёт, на корешок посмотрит. Отодвинет книгу от себя. Полюбуется. Приблизит опять к себе. Титульный лист откроет. Посмотрит на шрифты, на ширину полей. Пробежит глазами по оглавлению.

— Чудеса, чудеса! — восхищается книгой Ленин.

Книги, нужные Владимиру Ильичу для работы, доставляли из библиотеки. Принесли как-то Ленину одну из таких книг. Читает её Владимир Ильич, карандашом легонько на полях разные пометки делает. Затем произвёл какие-то выписки из книги. Потом осторожно пометки резинкой стёр. Вернули книгу в библиотеку.

Через несколько дней вновь потребовалась Владимиру Ильичу та же книга. Запросили её в библиотеке.

Нет книги. На руках книга. Выдали её другому читателю.

Сообщает секретарь Владимиру Ильичу:

— Нет книги. На руках сейчас книга.

— Прекрасно,— ответил Ленин.

Решил секретарь, что Владимир Ильич не понял.

— На руках, Владимир Ильич, книга. Нет её сейчас в библиотеке.

— Прекрасно, прекрасно,— вновь повторил Ленин.

Радуется Ленин: вот и ещё кто-то этой книгой заинтересовался. Тянутся люди к знаниям.

Вскоре книга освободилась. Листает её Владимир Ильич и опять радуется. Хороший читатель. Внимательный и аккуратный. Тоже делал какие-то пометки карандашом на полях

книги. Стёр их осторожно. К книге отнёсся бережно.

Прошло ещё какое-то время. Вновь понадобилась Владимиру Ильичу та же книга.

Принесли её Ленину. Открыл Владимир Ильич страницу, вторую. Приятно Ленину, будто бы со старым знакомым встретился. Листает книгу. А это что? Владимир Ильич нахмурился. Страница загнута. На новой странице чернильная галочка на полях. Ещё одна галочка. Снова галочка. А вот чернилами подчёркнута целая фраза. И ещё. И ещё. И ещё. А вот и вовсе не оказалось страницы в книге. Вырвал кто-то страницу себе на память.

Отложил Владимир Ильич книгу. Ещё больше нахмурился. Вид такой, словно бы кто-то лично очень обидел Ленина, словно бы боль Владимир Ильич испытывает.

Как раз в это время вошёл в кабинет Владимира Ильича секретарь. Видит секретарь Владимира Ильича в необычном состоянии:

— Владимир Ильич, что-то случилось? Неприятности с фронта? Наступают враги из Крыма?

Это были те дни, когда на молодую Советскую Россию начал из Крыма свой поход генерал Врангель.

Побарабанил Ленин пальцами по столу. Поднял голову, посмотрел на секретаря.

— Из Крыма?! — Показал Владимир Ильич на исчерченную чернилами библиотечную книгу.— Нет! Есть и ещё забота. Поближе.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ СОВЕЩАНИЕ

На квартире у Ленина было назначено срочное совещание. Приглашались ближайшие помощники Владимира Ильича — Свердлов, Дзер-

жинский. Затем Ленин позвонил наркому продовольствия Цюрупе, заместителю наркома по военным делам Склянскому и ещё нескольким товарищам. Напоминал Владимир Ильич, что всех их он ждёт сегодня к шести часам, но не здесь, не в Совнаркоме, а у себя дома. Устраивал Ленин порой такие совещания.

Стали приглашённые готовиться к встрече. Опять, видимо, что-то важное! Нарком продовольствия Цюрупа даже явился с огромным портфелем с множеством всяких бумаг и справок.

— Проходите, проходите, садитесь за стол,— приглашал Владимир Ильич.— А портфель вам не нужен. Не нужен,— сказал Цюрупе.— Оставьте его в прихожей. Вот тут.— Ленин указал на место у вешалки.

Когда все собрались и сели за стол, Владимир Ильич произнёс:

— У нас совещание сегодня особое. В повестке дня один вопрос...— Ленин не договорил. Вышел в соседнюю комнату.

«Наверное, военный вопрос»,— подумал Склянский.

«Продовольственный»,— решил Цюрупа.

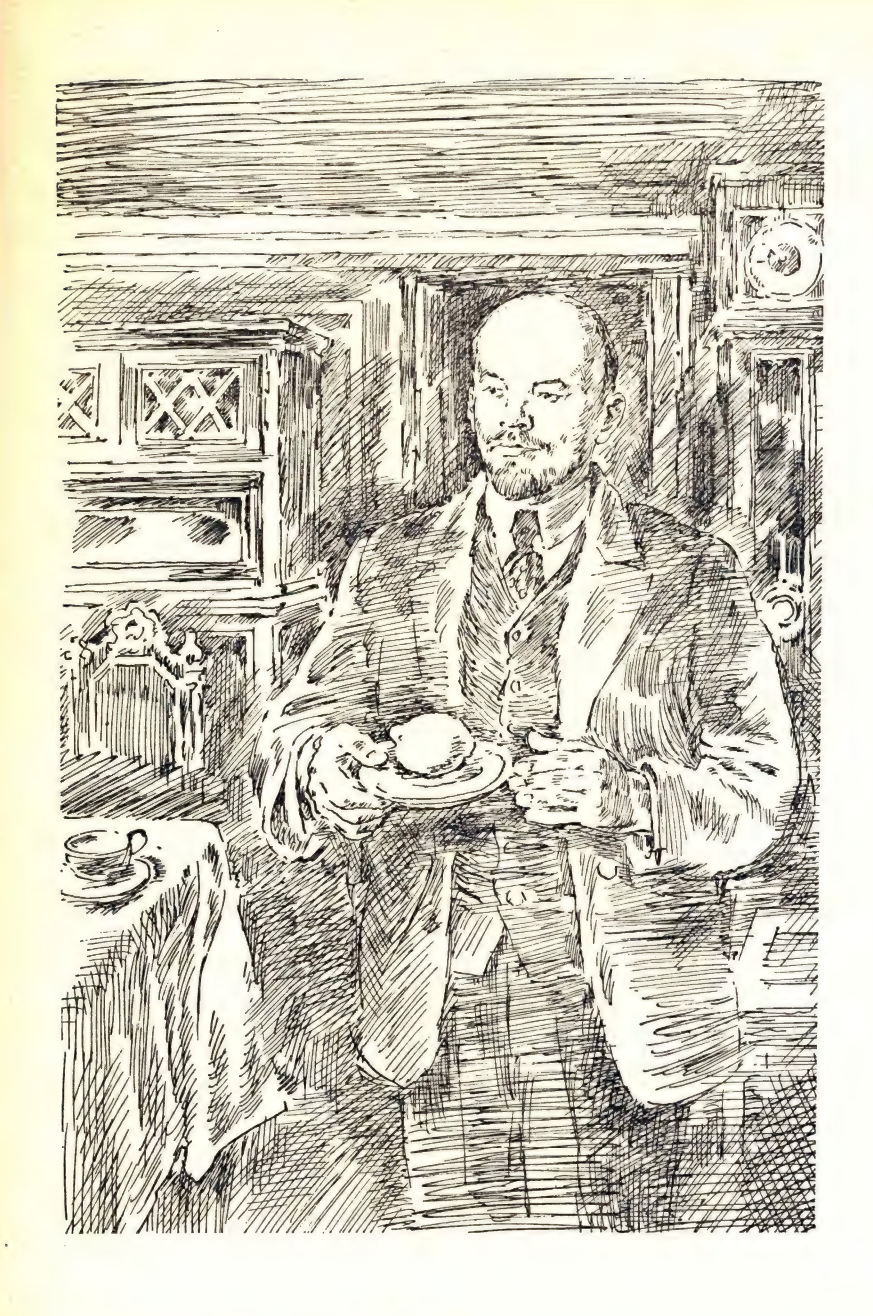
«Видимо, Владимир Ильич собирается поругать кого-нибудь, без поблажек»,— подумал Яков Михайлович Свердлов.

Через минуту Ленин вернулся. Шёл торжественно-осторожно. В руках он держал блюдце. На блюдце лежал лимон.

— Настоящий,— радостно проговорил Владимир Ильич.— Надежда Константиновна нынче достала.

Лимон к чаю в те годы действительно выглядел чудом.

— Итак, у нас сегодня один вопрос. Пировать! — сказал Ленин.

Когда Надежда Константиновна разлила всем чай, Цюрупа было заговорил о том, что где-то в Самарской губернии всё ещё задерживают с отправкой в Москву зерна, мол, надо туда послать кого-нибудь из людей энергичных, ответственных.

— Нет, нет. Сегодня никаких деловых разговоров,— остановил его Ленин.— Отдых, сейчас полнейший отдых, чтобы потом лучше работалось.

Чай душистый, ароматный. Сделали гости глоток, сделали второй.

Вдруг о каких-то срочных делах заговорил Дзержинский.

Остановил его Ленин:

— Феликс Эдмундович, нужен отдых. Нужна разрядка. Всем, и вам в том числе. А вам, возможно, и в первую очередь. И потом — лимон. Феликс Эдмундович, вы давно ели лимон? Это же витамин в натуральном виде. Итак — пировать, пировать,— опять повторил Ленин.

Сделали гости снова глоток, сделали второй.

Не может уйти от своих военных забот и Склянский.

— Владимир Ильич, нам нужно усилить меры. Наркомат собирается...

— Стоп, стоп,— не дал договорить Склянскому Владимир Ильич.

— Простите,— смутился Склянский.

Недолго длилось «совещание». Всего двадцать минут.

Двадцать минут отдыха.

БАДАИЧУ

Алексей Егорович Бадаев был старым членом Коммунистической партии. Заслуженный он человек. В 1912 году петроградские рабочие

избрали Бадаева своим депутатом в Государственную думу. За революционные выступления на заседаниях Думы Бадаев был арестован. Его сослали в Сибирь в далёкий Туруханский край.

После Великой Октябрьской революции Бадаев стал председателем Петроградской продовольственной управы.

Владимир Ильич Ленин относился к Бадаеву с очень большим уважением. Чувствовал это Бадаев.

И вдруг. Приходит в Петроград из Москвы из Наркомата продовольствия суровая телефонограмма. В ней — строгое замечание в адрес Бадаева. Не выполнил, оказывается, Бадаев какое-то указание наркомата.

На телефонограмме была резолюция Владимира Ильича Ленина.

Обиделся очень Бадаев на наркоматовских работников: «Не удержались. Ленину пожаловались!» Решил он себя перед Владимиром Ильичём оправдать.

Послал Бадаев в Москву в наркомат ответ. Виновность свою отрицал. Обвинения, выдвинутые против него, объяснял происком каких-то своих недоброжелателей. «Все свои действия считаю безусловно правильными»,— писал Бадаев. В заключение прибегнул к угрозе. Просил освободить его от обязанностей петроградского продовольственного председателя.

Попало письмо Бадаева к Владимиру Ильичу. Прочёл он его раз, прочёл два. Постучал по столу пальцами. Придвинул лист бумаги, решил ответить Бадаеву.

«Вас спрашивали не о том,— быстро написал Ленин,— считаете ли Вы «все свои действия» «*безусловно* (!!) правильными» (это смешно!!), а о том,— продолжал Ленин,— *все* ли Вы распоряжения центра исполняли. А Вы об этом-то и молчите!»

Владимир Ильич остановился. Быстро пробежал записку глазами. Энергично написал: «Работайте, *отставку не принимаем.* — На секунду задумался, дописал: — Вперёд исполняйте все распоряжения центра и не говорите неприличного вздора о «происках».

Перечитал Владимир Ильич теперь уже всю записку. На минутку перенёсся в Петроград, представил огорчённого Бадаева. Подумал: «Кажется, излишне грозной получилась записка».

Решил он её смягчить. Но в самой записке ничего не изменил. Всё, слово в слово, оставил по-прежнему. Однако сверху записки над её текстом Ленин поставил фамилию Бадаева. Но указал не Бадаеву — холодно и официально, а так, как называли Бадаева в кругу старых революционеров. Дружески. Доверительно. Нежно. «*Бадаичу*»,— написал Владимир Ильич.

Получил Бадаев записку. Прочёл «Бадаичу». Всё понял. Стыдно ему стало за свой ответ в Москву.

— Нехорошо получилось. Нехорошо.

Не ставил он больше вопроса о своей отставке. С новой энергией принялся за работу.

ПО СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ

Надоел он изрядно Ленину.

Трудно было в первые годы Советской власти.

С хлебом трудно.

Транспорт разрушен.

Не хватает рабочих рук.

Один из видных профсоюзных работников, некто Демидов, при встречах с Владимиром

Ильичём начинал обязательно с жалоб. Всё-то Демидову не так. Всё плохо кругом. Нет ничего хорошего.

Вот и сейчас.

— Недоедает, Владимир Ильич, народ. В хлебе сплошная мякина. Есть места, где и вовсе голод. Об этом ли мы мечтали? За это ли люди бились?

— Недоедает. Трудное время,— соглашается Ленин.— Люди порой лишены самого необходимого. Лишены, но держатся. И не только держатся, но и творят чудеса. Чудеса! — повторил Владимир Ильич.— Вот о чём, батенька мой, стоило бы говорить в первую очередь.

— Так-то оно так, Владимир Ильич,— произнёс Демидов,— а всё же...

Прошло какое-то время. Встретился Демидов снова с Владимиром Ильичём.

— Транспорт бездействует, Владимир Ильич. Заводы стоят. Шахты затоплены. Разруха кругом. Хаос!

— Да, наследие горькое,— соглашается Ленин.— И транспорт разрушен, и шахты затоплены, и заводы во многих местах стоят.— И тут же: — А вы знаете, что шахтёры Донбасса в этом месяце удвоили добычу угля? Удвоили! А вы читали, что нефтяники Баку по сравнению с прошлым годом утроили добычу нефти? Утроили! А вы что-нибудь слышали о субботниках?! Люди работают во внеслужебное время, без всякого вознаграждения. Не замечать этого, не видеть энтузиазма масс, их стремления быстрее покончить с разрухой — значит страдать слепотой. Да, да, слепотой, к тому же ещё куриной!

Вновь прошло какое-то время. Встретил Демидов Ленина в третий раз и опять об одном и том же:

— Плохо, Владимир Ильич, не ладится всё у нас. Нет инженеров, нет докторов. Отсталость, серость кругом дремучая.

— Мало инженеров, мало других специалистов,— соглашается Ленин.— Но подождите, имейте терпение. Дайте срок — победим разруху, победим голод. Будут свои инженеры, будут свои врачи. Профессора! Академики! Всё будет. Потому что рабочие и крестьяне — это классовые бойцы. Потому что в новый мир они вступают твёрдой ногой хозяина.

— Так-то оно так,— соглашается Демидов.— Да нет, я не спорю. Конечно, вы правы, Владимир Ильич. А всё-таки, знаете, так сказать, теневые стороны бросаются в глаза прежде всего.

Посмотрел Владимир Ильич на Демидова.

— Теневые? А вы ходите по солнечной стороне.

КАТЕГОРИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ

Для обследования здоровья Владимира Ильича из-за границы был приглашён профессор. Ленин долго противился.

— Дорого, дорого,— говорил Владимир Ильич.— Это излишняя роскошь. Я же совсем здоров.

Но вот под напором врачей вынужден был согласиться.

Приехал профессор. Начал осмотр пациента. Прослушал трубкой, простукал пальцем.

— Чем хворали? Как аппетит? Как сон?

Внимателен очень профессор. Понимает: только раз такое бывает в жизни — в эту минуту перед ним стоит самый великий его пациент. Запоминает профессор и рост, и вид, и улыбку, и взгляд пациента. И как тот держит себя,

и как говорит, и какого цвета глаза, и какого оттенка волосы.

К концу осмотра профессор сказал:

— А я, признаться, вас представлял другим, господин Ленин. Был уверен, что вы с бородкой.

Смутился пациент и говорит:

— Простите, но я не Ленин.

Действительно, это был не Ленин, а кто-то из сотрудников Совнаркома.

Извинился профессор, сказал:

— Пардон.

Ушёл не Ленин. Вновь открывается дверь в кабинет. Входит человек невысокого роста. Плотный. С бородкой. Глянул профессор: он!

Начал профессор осмотр пациента. Прослушал трубкой, простукал пальцем.

— Чем хворали? Как аппетит? Как сон?

Внимателен очень профессор. Неторопливо ведёт осмотр.

— Прилягте!

— Привстаньте!

— Закройте глаза, протяните руки.

— Вдохните глубже.

— Скажите «а».

Когда прощались, профессор сказал:

— А я вас сразу узнал, господин Ленин. Очень приятно было с вами познакомиться.

Смутился пациент и говорит:

— Простите, но я не Ленин.

«Как — не Ленин?!» — хотел закричать профессор. Однако сдержался. Развёл руками.

— Извините,— сказал.— Пардон.

На приёме у профессора Владимир Ильич побывал только к исходу дня, лишь после того, как было осмотрено большинство сотрудников Совнаркома.

Таково было условие Ленина, когда решался

вопрос, приглашать или не приглашать в Советскую Россию зарубежную знаменитость.

Категорическое условие.

АЛЕКСАНДРА НЕСТЕРОВНА

Старушка Александра Нестеровна Лаврентьева была принята на работу в Совнарком.

Должность у неё скромная — уборщица.

Очень волновалась Александра Нестеровна. Шутка ли сказать — Совнарком!

— Ничего, ничего,— успокаивают её,— не робейте.

Работница она отличная. Никакого труда не боится. Отзывы с прошлой работы самые превосходные. Конечно, нечего ей робеть.

Только чуть успокоилась Александра Нестеровна. А тут новое. Говорят:

— Будете убирать и в кабинете у Владимира Ильича Ленина.

Всплеснула пожилая женщина руками:

— Господи!

— Не пугайтесь. Справитесь,— слышит опять в ответ.

Явилась Александра Нестеровна в первый день на работу.

Пришла рано-рано. Никого ещё нет. Коридор прибрала, приёмную. Ну, решает, а теперь — главное. Подошла осторожно к ленинскому кабинету.

Подошла. Приоткрыла дверь. И от неожиданности замерла.

В кабинете за письменным столом сидел Владимир Ильич и что-то писал.

Поднял Владимир Ильич глаза:

— Заходите, заходите. Вы наш новый работник? Как вас зовут?

Смутилась Александра Нестеровна.

— Александра Нестеровна,— тихо проговорила.

— Вот и отлично, Александра Нестеровна. Значит, знакомы,— произнёс Ленин.— Заходите. Я вам мешаю?

Ещё больше смутилась Александра Нестеровна. Что ответить, как поступить, не знает.

— Заходите,— повторил Ленин.— Мне как раз надо ненадолго выйти из кабинета.

Вышел Владимир Ильич.

Приступила к работе Александра Нестеровна. Волнуется, торопится. Понимает — помешала она Ленину.

Пришла Александра Нестеровна на второй день ещё раньше. Решила: начну прежде всего с кабинета Владимира Ильича.

Приоткрыла дверь.

Сидит Владимир Ильич за столом. Работает.

Поднял Владимир Ильич глаза:

— Здравствуйте, Александра Нестеровна. Заходите, заходите.

И снова под каким-то предлогом вышел из кабинета.

Пришла Александра Нестеровна на третий день ни свет ни заря, как говорят «с петухами». Ещё все совнаркомовские двери закрыты. Стоит, дожидается. Первой вошла в Совнарком. Смело направилась к ленинскому кабинету. Открыла дверь. Смотрит, глазам не верит.

Сидит за столом Владимир Ильич. Работает.

Прошло несколько дней. Во всём разобралась Александра Нестеровна. Знает, что свой рабочий день Владимир Ильич начинает очень рано, а заканчивает очень поздно. Что для удобства он и живёт в том же здании и даже на том же самом этаже, на котором находится его рабочий кабинет.

Привыкла к работе в Совнаркоме Александра

Нестеровна. И к ней все привыкли. Уважали и очень ценили за её труд.

Как-то Александра Нестеровна тяжело заболела. Сделали ей сложную операцию, а затем и ещё две. Похудела она, осунулась.

Приближалась зима. Ударили морозы. Обратил однажды Владимир Ильич внимание, что пальто на Александре Нестеровне старенькое и холодное, распорядился, чтобы ей выдали новое и тёплое.

— Только на очень лёгкой вате,— предупреждал Владимир Ильич.— Александре Нестеровне после болезни носить тяжёлое пальто трудно.

Пальто оказалось и тёплым и лёгким. Наденет его Александра Нестеровна. Идёт по улице: «Эх, если бы знали люди...» Хочется ей закричать:

«Смотрите, смотрите, смотрите. Это же по распоряжению Владимира Ильича Ленина у меня такое замечательное пальто!»

ФАНТАЗИИ СИРОТИНИНА

Больной Сиротинин клялся своим соседям:

— Ленин заглядывал к нам в палату. Ленин!

Смотрят другие на Сиротинина:

— Приснилось.

— Причудилось.

— От скуки выдумал.

Откуда Ленин здесь, в Солдатенковской больнице? К тому же ночью. К тому же чтобы заглядывал к ним в палату.

Сиротинин утверждал, что произошло это именно ночью. Спал он. Проснулся. Открыл глаза. Вдруг приоткрылась дверь. Кто-то осторожно заглянул в комнату.

Ленин! — сразу узнал Сиротинин.

Смеются соседи:

— Приснилось.

— Причудилось.

— Сиротинин, конечно, шутит.

Однако правду говорил Сиротинин.

В августе 1918 года в Ленина стреляла эсерка Каплан. Две пули остались в теле у Ленина. Весной 1922 года одну из них врачи решили удалить. Владимир Ильич приехал в Солдатенковскую больницу.

Операция прошла удачно. Поместили Ленина в небольшой палате. Обстановка обычная, больничная. Койка. Тумбочка. Каждому больному полагается по две подушки.

Однако у Ленина вначале была одна. Так посоветовали врачи. Вечером разрешили принести вторую. Принесла медицинская сестра вторую подушку Ленину.

Насторожился Владимир Ильич. Не знал он, что по две подушки полагалось каждому. Решил, что это к нему проявили такое внимание.

— Нет, нет, спасибо,— сказал Ленин.

— Вам будет удобнее, Владимир Ильич,— говорит сестра.

— Не беспокойтесь, мне вполне удобно,— отвечает Ленин.— Лучше предложите кому-нибудь другому.

— Так есть у других,— объясняет сестра.— У нас у каждого по две подушки.

Посмотрел Владимир Ильич недоверчиво на сестру. Взор у сестры открытый. Глаза честные. Согласился он взять вторую подушку.

Наступила ночь. Не спится что-то Владимиру Ильичу. Засомневался он вдруг.

Полежал, полежал.

Поднялся.

Вышел осторожно в коридор. Приоткрыл дверь в одну из палат. Спят больные. Присмот-

релся. Действительно, у каждого по две подушки.

Приоткрыл Владимир Ильич ещё одну дверь. Как раз ту, которая вела в палату к Сиротинину. Это и была та минута, когда Сиротинин открыл глаза.

— Видел я Ленина, видел,— уверяет всех Сиротинин.

Однако никто не верит.

Приезд Ленина в больницу не оглашался. Не знали другие, что Владимир Ильич в ту ночь находился в Солдатенковской больнице, что тут ему делали операцию.

И лишь один Сиротинин:

— Видел я Ленина, видел. Своими глазами видел!

Не верит никто Сиротинину.

— Приснилось!

— Причудилось!

— Фантазии Сиротинина!

ПОНИМАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Ерёмка Быков ворочался с боку на бок. Тесно, душно на печке.

Вот и отцу не спится. Да разве уснёшь! Утром, чуть свет, предстоит раздел господской земли. Не каждый день такое случается.

— Да спите вы! — ругнулась снизу с лежанки мать.

Притихли отец и Ерёмка. Не приходит, не балует сон.

Подтянулся отец к печному обрезу:

— Пойду-ка пройдусь по воле.

— И я с тобой,— напросился Ерёмка.

— Хорошо, собирайся.

— У, неспокойные ваши души...— опять проворчала мать.

Ругается, а ведь сама тоже что-то не спит. Тоже небось про землю-землицу думает.

Вышли отец и Ерёмка на улицу. Прошлись вдоль села, миновали околицу, мостком перешли через речку, поднялись на бугор — вот оно, барское поле.

Пробрала ночная прохлада. Ветер то сорвётся, то стихнет. Звёзды мерцают. Месяц тучки рогами порет. Где-то пискнула мышь-полёвка. Собака в селе за околицей тявкнула.

Смотрит Ерёмкин отец на поле, слезами глаза наполняются.

— Ты чего, тять? — дёрнул Ерёмка отца за руку.

— Так, ничего,— отозвался отец. Провёл по глазам ладонью.— Всё о нём, о человеке хорошем думаю.

— О том, кто декрет подписал, об Ульянове-Ленине? Добрый, видать!

— Слово, Ерёмка, не то. Понимающий он человек. Нельзя без земли крестьянину.

Постояли они, посмотрели на поле, подышали свежим воздухом, вернулись домой.

Залез Ерёмка снова на печку. «Эх, не проспать бы делёж земли. Самое интересное не проворонить».

Лёг он и сразу уснул.

И вот приснился Ерёмке удивительный сон. Будто бы сам Ленин приехал к ним делить господскую землю. Ходит Ленин по полю. В руках сажень-двунога для замера земли. Заметил Ленин Ерёмку:

«А ну-ка иди сюда».

Подбежал Ерёмка.

«Будешь моим помощником. Говори, с кого начинать, сколько у кого едоков, сколько кому земли».

С кого начинать? Конечно, с него, с Ерёмки.

«С меня»,— говорит Ерёмка.

«Э, нет,— отвечает Ленин.— Тебе, как делящему, в последнюю очередь».

Поделили они господскую землю, никого не обидели. Вот и Ерёмкин приходит черёд.

Здесь и проснулся мальчик. Смотрит — солнце высоко. Ни отца, ни матери дома нет.

«Так это же сон привиделся,— понимает Ерёмка.— Проспал, проспал... Надо быстрее в поле. А как же со сном, как же с землёй для него, для Ерёмки? Эх, оборвалось на самом значительном месте».

Закрыл опять Ерёмка глаза. Интересно, какой же ему участок достанется.

Только закрыл глаза, как скрипнула дверь. Входят в избу мать и отец.

— Просыпайся, вставай, Ерёмка!

Обидно Ерёмке: и раздел барской земли проспал, и сон недовидел. Встал он. Радости нет.

— Да что ты, Ерёмка?!

Ничего не ответил мальчик. Оделся, вышел на улицу. Обступили его ребята, озоруют, смеются:

— Соня, соня! Проспал. Главного не увидел.

Ещё обиднее стало Ерёмке. Смотрит он на ребят и вдруг.

— А я Ленина, Ленина видел. Ленин к нам приезжал!

Поразевали ребята рты.

— Приезжал, приезжал,— уверяет Ерёмка.— С саженью ходил. А я у него был в помощниках.

— Э, да это тебе приснилось!

— А вот и не приснилось! Не приснилось. Так оно было на самом деле.

Подошёл в это время к ребятам старик Прозоров.

Ерёмка и деду:

— Видел я Ленина. Видел. Ленин землю делил.

Хихикнули снова ребята. Мол, смотри, дед, Ерёмка какой брехливый.

Однако дед постоял, подумал, строго глянул на крикунов и вдруг поддержал Ерёмку:

— А как же, был Ленин. Присутствовал. Не ошибся Ерёмка.

Удивились ребята:

— Так мы почему не видели?!

— Плохо смотрели. Без понимания. Вот и не видели,— ответил старик.

ГОСТИНЕЦ

Крестьяне села Берёза решили с первого урожая послать гостинец Владимиру Ильичу Ленину.

Собрали мешок зерна. Отвезли на мельницу, перемололи. Написали письмо:

«Дорогой товарищ Ленин!

Во первых словах спасибо тебе за землю, за луга и за лес. Хлеб выдался нынче у нас хороший — по 80 пудов с десятины. Так что каждому будет. Решили и тебя не забыть.

Пшеница у нас не родит. Посылаем муки оржаной. Не побрезгуй. Мука хорошая, тройного помола. Ради тебя старались».

Потом подумали и приписали:

«Передай наш крестьянский поклон всей партии большевиков. Мужики села Берёза. Писал за всех Епифан Дыра».

Хотели крестьяне отправить гостинец почтой, да не решились. Подыскали бойкого мужика Прокопа Гмырю. Посадили на телегу, отвезли на станцию, втолкнули в вагон.

— Чтобы никому! — кричали они на прощание.— Чтобы в собственные руки. Понял?

Через неделю Гмыря вернулся.

— Ну, видел?

— Ну, передал?

— Передал. Видел.

— Да ну!

— Ишь ты!

— Самого Ленина!

— Ну, а что сказал Ленин? Понравилось? Благодарил?

— А как же. Сказал, мол, передайте моё огромное спасибо товарищам крестьянам. Так и сказал. Два раза. И за муку, говорит, спасибо, и за поклон партии большевиков.

— Ишь ты, с уважением,— улыбнулись крестьяне.

— С пониманием.

— Ну, а ещё что говорил Ленин?

— Сказал, чтобы за Советскую власть держались крепко. Чтобы не только о себе думали. Рабочих не забывали. Вам, говорит, вместе с рабочими новую жизнь строить.

— Правильно,— согласились крестьяне.

— Что мы — другого войска?

— Серп и молот крест-вперекрест.

Довольны крестьяне.

Прошло около месяца. И вдруг получают берёзовские мужики письмо из города Нижнего Новгорода от рабочих судоремонтного завода.

Читают мужики письмо, удивляются. Благодарят их рабочие за мешок муки. Пишут, что роздали её больным и детям, по два фунта каждому. Что мука хорошая, хлеб сытный. А в конце:

«Видать, есть среди вас умный и знающий человек. С хлебом у нас действительно плохо. Так что гостинцу вашему нет цены. Спасибо, что о нас, о рабочих, вспомнили».

Удивились крестьяне:

— Какой мешок?

— Какая мука?

— Э, да не та ли самая?

Сообразили крестьяне, в чём дело, какая мука. Письмо от рабочих доброе, тёплое. А всё же крестьянам обидно.

Собрались они в избе у Прокопа Гмыри.

— Видать, не понравился товарищу Ленину наш гостинец.

— Побрезговал.

— Так, для виду благодарил.

Призадумался Гмыря.

— Эх, вы! — произнёс.— Для виду... От себя оторвал Ленин. Не только о себе думает. Не зря тогда про рабочий класс говорил.

Смотрят мужики на Гмырю.

— А что, верно.

— Так оно и есть.

— Ты смотри: о себе ни слова. Словно бы гостинец от нас.

— Вот что, мужики,— заявил Гмыря.— Нужно нам не пожалеть и послать в Нижний Новгород хлеба. Да не мешок. Что им мешок! Урожай хороший. Пошлём?

— Верно. Пошлём! — загудели крестьяне.— Поддержим рабочий класс. Вместе новую жизнь строить. Правильно учит Ленин!

На следующий день отрядили мужики на станцию две телеги с зерном. Снова послали Гмырю.

Взвесил конторщик груз. Записал адрес.

— Рабочим? — переспросил.

— Им самым.

— Гостинец?

— Так точно.

— От кого? Как указать?

Сощурил Гмыря глаза, глянул хитро на конторщика.

— Пиши. Да так, чтобы было ясно, красиво...

Клюнул конторщик пером в чернильницу, стряхнул, приготовился.

— Пиши: «От Владимира Ильича Ленина»,— проговорил Гмыря.

НЕСОГЛАСНЫЙ

В селе Завидовке крестьяне сдавали государству зерно. Сдали, а затем сообразили, что взяли с них лишку. Время было тяжёлое, голодное, с едой плохо. Хлеб ценился дороже золота. Написали крестьяне в уезд. Им не ответили.

— К Ленину нужно, к Ленину! — шумел Иван Хомутов.— Ленин решит с пониманием. По закону Владимир Ильич рассудит.

Неловко крестьянам тревожить Ленина. Заколебались они:

— Да что там!

— Проживём без того зерна, протянем...

— Э-эх,— не умолкает Иван Хомутов.— Кабы дело в одном зерне. Главное, мужики, в справедливости.

Убедил Хомутов крестьян. Избрали они делегатов — Хомутова, Петрова, Сизова, послали к товарищу Ленину.

Едут делегаты в Москву.

— Как Ленин решит, так, стало, тому и быть,— рассуждает в пути Хомутов.— У меня согласие с Лениным полное.

Принял Ленин крестьян, выслушал.

— Да, время у нас тяжёлое, чрезвычайно тяжёлое.

Насторожился Иван Хомутов: «Ой, не зря говорит про такое товарищ Ленин».

— Тяжёлое, но не безнадёжное,— продолжает Владимир Ильич.— Страна, бесспорно, преодо-

левает все трудности, и товарищи крестьяне, уверен, нам в этом помогут.

«Так и есть,— понимает Иван Хомутов.— Откажет Ленин в крестьянской просьбе».

И вдруг.

— Что же касается вас,— сказал Владимир Ильич,— то тут право полностью на вашей стороне. Лишний хлеб, взятый у вас, подлежит возврату.

Составил Ленин бумагу в уездный Совет, отдал её делегатам.

Поклонились крестьяне.

Торжествует Иван Хомутов:

— Ну? Видели? Слышали? То-то оно-то! У меня согласие с Лениным полное.

В те годы рабочие и крестьяне, приезжавшие по разным делам в Кремль, часто получали талоны на обед в столовую Совнаркома. Получили их и завидовские делегаты.

Довольны крестьяне: и с Лениным повидались, и обед им будет сегодня на славу.

— Интересно! — поглаживает усы Иван Хомутов.— Это тебе не щей пустых похлебать, не кашу-размазню скушать. То-то будет о чём рассказать в деревне.

Пришли делегаты в столовую, приносят им первое. Глянули крестьяне — щи. Попробовали — жидкие, кислые. Вместо мяса по куску ржавой селёдки плавает.

— Вот те и раз! — подивились крестьяне.

Приносят второе. И надо же — каша-размазня на второе. Без единой жиринки, на воде каша.

Хотели крестьяне достать из мешков привезённого сала, да постеснялись.

Поели, вышли из столовой крестьянские делегаты.

— Э, да это, видать, другая столовая,— сказал Иван Хомутов.— Это не совнаркомовская.

Отошли они шаг от двери, видят, по коридору идёт Владимир Ильич. Идёт быстро, пиджак нараспашку. Поравнялся.

— Как, пообедали?

— Да.

— Вот и отлично. У нас, говорят, каша сегодня превкусная.

«Ну и превкусная,— думает Иван Хомутов.— Может, Ленину будет другая каша?»

Прошёл Владимир Ильич в столовую. Вернулись крестьяне к двери, смотрят за Лениным в щёлку. Любопытно, что принесут на обед товарищу Ленину.

Смотрят и видят: несут Владимиру Ильичу всё тех же самых совнаркомовских щей, а следом за ними всё ту же кашу.

— Вот так дела! — не сдержался Иван Хомутов.

Вернулись делегаты к себе в Завидовку.

— Ну как, принял вас Ленин?

— Принял.

— Просьбу уважил?

— Уважил.

— Бумагу дал?

— Дал.

Показали делегаты крестьянам бумагу.

Рады крестьяне:

— Снаряжай телеги, давай в уезд. Спасибо товарищу Ленину. Верно решил, по справедливости.

И вот тут-то...

— Нет, мужики,— покачал головой Хомутов.— Не было здесь справедливости.

Уставились крестьяне на Хомутова.

— Не было,— повторил Хомутов.— Несогласный я тут с Лениным.

— Ну и ну! Ну и слова! Что такое? — не могут понять крестьяне. Может, в дороге Иван

заболел? Может, он с радости плохо соображает? Сам же больше других кричал, и сам же, выходит, против.

Расшумелись крестьяне.

— Да тише вы, тише,— оборвал Хомутов.— Сало едите?

Переглянулись крестьяне.

— Едим...

— Хлеб в закромах считай что имеется?

— Ну, скажем, имеется.

— С голода вроде пока не пухнете?

— Нет,— отвечают крестьяне.

— То-то!

Рассказал Хомутов про обед в совнаркомовской столовой.

Смутились, притихли крестьяне.

— Нет, неверно, что Ленин бумагу дал. Несогласный я тут с Лениным. Несогласный,— повторил Хомутов.— Не было в том справедливости.

БАЛАМУТ

Как-то Ленин получил письмо:

«Дорогой Владимир Ильич, прими от нас крестьянский поклон, а к Октябрю будет тебе подарок».

— Ну вот, снова подарок,— огорчился Владимир Ильич.

Что за подарок, крестьяне пока не писали. Решили держать в секрете.

— Оно же всегда интереснее, когда наперёд не знаешь, какой для тебя гостинец,— рассуждали крестьяне.

Подарок же был обычный. Решили мужики послать Владимиру Ильичу мяса и сала.

Довольны крестьяне своим решением. Да только, как всегда, в любом деле обязательно

найдётся какой-нибудь баламут. Оказался такой и здесь — бывший красноармеец-будёновец Селиверст Дубцов.

— Э-э, безголовые,— ворчал он на мужиков.— Разве это подарок?

— А что? — отбивались крестьяне.— Владимир Ильич тоже, считай, человек. Что он, пищей другой питается? Сало ему в самый раз.

— «Сало»...— усмехнулся Дубцов.— Фантазии нет.

— Баламут, как есть баламут,— ругались крестьяне.

Целую неделю не давал Дубцов мужикам покоя. Ходит твердит:

— Фантазии нет. Фантазии нет.

Обозлились крестьяне, явились к Дубцову:

— Ну-ну. Расскажи про свою фантазию.

И тут вдруг Дубцов заявил такое, от чего на крестьян напал хохот и окна в избе задрожали.

Предложил Дубцов собраться крестьянам, кирки, лопаты — в руки и, не мешкая, проложить до станции (а это без малого девять вёрст!) дорогу.

— Дорогу! — хохотали крестьяне.

— Да на кой она Ленину!

— Выходит, самим же себе подарок.

— Баламут, вот баламут, а ещё будёновец!

Но потом, через несколько дней, когда насмеялись крестьяне вволю, вдруг кто-то робко в селе сказал:

— А что, мужики, может, и верно. Может, одобрит дорогу товарищ Ленин.

— Может, и верно,— заколебались теперь крестьяне.

— Не может, а точно,— гудел Дубцов.

Уговорил всё же Дубцов крестьян.

Собрали мужики баб, стариков с печей посгоняли — и за работу. Как раз к Октябрю и

управились. Даже мосток через речку Каменку и тот навели.

Написали крестьяне Владимиру Ильичу письмо, поздравили с праздником, а в конце указали и про дорогу. Мол, как хочешь, так и понимай, а дорога эта вроде как наш для тебя подарок. Не взыщи, если не угодили. Виною всему баламут Селивёрст Дубцов, бывший будёновец.

Вскоре прибыл ответ.

«Угодили, угодили»,— значилось в том ответе. Владимир Ильич писал, что подарок от крестьян замечательный. Что лучшего ему и не надо. Кончалось же письмо от Ленина тем, что эта дорога в девять вёрст ещё один шаг страны к коммунизму.

Читают крестьяне.

— Вот это да!

— Ну и ответ!

— Вон оно как повернул Ленин!

— Оно бы, пожалуй, стоило Владимиру Ильичу,— рассуждают крестьяне,— и к Маю какой подарок...

После долгих споров решили построить клуб.

ЛЕНИНСКАЯ ДЕСЯТИНА

— Ленина, Ленина не забудьте, Володимира Ильича! — кричал при разделе барской земли Иван Переплётов.

Да разве крестьяне забудут. Ещё с вечера они решили включить в число наделяемых Ленина.

— Правильно.

— От него всё пошло.

— Пусть и он землицей попользуется.

Долго выбирали участок. Старались, чтобы получше. Спорили, где, с какой стороны села. Выбирали так, чтобы не очень сыро, не очень

сухо, чтобы суглинок с примесью чернозёма. Отмерили десятину. Написали в Москву письмо: мол, приезжай, Владимир Ильич, вступай во владение. Вскоре прибыл ответ.

Ленин благодарил крестьян за внимание. Просил его извинить. Не сможет он заняться сейчас хлебопашеством. В Совете Народных Комиссаров много у Ленина разных дел. Кончалось письмо тем, что Ленин советовал крестьянам поступить с десятиной по их собственному усмотрению.

— Это верно, ему сейчас не до земли,— говорили крестьяне.

— Нельзя отрывать от дел государственных.

— А всё-таки жаль — хорошее было б соседство.

Успокоились крестьяне. Вот только задал задачу Ленин: «Поступить по собственному усмотрению». Нет бы написать точно, что с десятиной сделать.

Решали крестьяне, решали. Думали, думали.

Наконец порешили так: десятину никому другому не отдавать, ни между кем не делить. А оставить её для общего пользования. Обрабатывать её сообща, сообща сеять, собирать урожай. А затем хранить его в общем амбаре.

Так и поступили.

Умно поступили.

Есть в крестьянских запасах общественный фонд зерна. Случится какая беда — общественный фонд выручает.

Недород у Пахомовых.

Голодать бы им, залезать в долги, а тут — получай подмогу от ленинской десятины.

Мало ли нужд у крестьянства. Решили купить молотилку. Не надо бегать по избам — рубли выколачивать. Продали общественный хлеб — везут молотилку.

Или, скажем, соберутся крестьяне:

— А не послать ли рабочим гостинец?

— Послать, непременно послать.

Грузят мешки, пишут письмо: «Хлеб не простой. С ленинской десятины!»

Прошло десять лет. Стали возникать на полях колхозы. Обобщили крестьяне землю и скот. В общем колхозном поле теперь десятина. Да не затерялась она.

Не забыта. Вечна народная память.

Конный ли местом тем едет, пеший идёт, любой остановится. Глянет на поле. И Ленин любому привидится.

То не пар над землёй подымается. То не ветер колышет рожь. Это Ленин на поле вышел. По колхозной земле идёт.

СКОРПИОН

У крестьянина Игната Авдеева отобрали корову. Сделали это не по закону. Кто-то в волостном комитете, где решали вопрос, ошибся.

Обиделся Игнат и написал письмо товарищу Ленину.

Узнали крестьяне:

— Да ты что!

— Ленину — про корову!

— Мало у Ленина, что ли, дел!

Долго корили крестьяне Игната. Село есть село. Идут по селу разговоры. Про то, про это, про нужды крестьянские.

— Э-эх, если Ленину про что и писать, так разве бы только про гвозди.

Плохо было тогда с гвоздями.

А Авдеев и сам понимает, что про корову, конечно, он зря, что написал сгоряча, потревожил напрасно Ленина.

Наслушался Игнат разговоров. Решил ис-

править свою ошибку. Написал Ильичу второе письмо:

«Дорогой Владимир Ильич!

Извини, бес попутал, написал я тебе про корову. Так ты того письма не читай. Бог с ней, с коровой. Не пропаду, наживу новую. А если будет милость твоя, пришли нам гвоздей — лучше бы трёхвершковых».

Отправил Игнат письмо. Узнали крестьяне:

— Да ты что? Шутки шутить!

— Про гвозди — товарищу Ленину.

— Мало у Ленина, что ли, дел!

Опешил Авдеев:

— Братцы, да вы же сами.

Расшумелись крестьяне:

— Ах ты, сучок осиновый! Так про гвозди — это же к слову.

Снова мужики корили Игната. Снова пошли по селу разговоры. Размечтались крестьяне.

— Подумаешь — гвозди, вот молотилка — другое дело.

Наслушался Авдеев мужицких речей. Совсем в голове замутилось. Хоть садись и пиши письмо. И вот Авдеев снова берёт бумагу.

«Дорогой Владимир Ильич!

Пишет тебе Игнат Авдеев, тот самый, что писал про корову и гвозди. Так ты не сердись. Писем тех не читай. Времени своего дорогого не трать. Бог с ними, с теми гвоздями. Вот если можешь — пришли молотилку».

Отправил Игнат письмо. Узнали крестьяне:

— Ну и ну! Ну и чудак сыскался.

— Скорпион! Что же ты мучишь Ленина! Ах ты такой-сякой, ах ты мужик безмозглый!

Обозлились крестьяне. Сами тогда решили написать письмо товарищу Ленину. Сели и написали:

«Дорогой Владимир Ильич!

Есть у нас на селе мужик Игнат Авдеев, тот, что писал тебе про корову, про гвозди и молотилку. Так ты на него не сердись. Писем его не читай. Не трать своё дорогое время.

С гвоздями и прочей железной мелочью и сельскохозяйственным инвентарём, конечно, у нас пока плохо. Да ведь и Москва не сразу построилась. Да и революция не в час делалась. Потерпим.

Желаем тебе, дорогой Владимир Ильич, здоровья и долгих лет жизни на радость всему трудовому крестьянству».

Дошли до Ленина эти письма? Кто знает, но, скорее всего, дошли. Вскоре и впрямь на селе появились гвозди. Потом волостной Совет выделил селу молотилку. Потом... Много потом нового на селе появилось.

Ну, а как же с коровой? Вернули её Авдееву? Вернули. Сам Ленин о том написал.

СЛУЧАЙ С МАТВЕЕМ

Матвей Торопыгин впервые попал в Москву. Парень он был молодой, проворный. Походил по Охотному ряду, по Тверской, по Неглинной, а потом решил, что можно теперь и в Кремль.

В Кремле в то время была парикмахерская. Правда, маленькая. Заметил её Торопыгин. И вот захотелось Матвею в Кремле побриться. Память, решил, какая!

Вошёл он, уселся на стул. Парикмахер был занят, пришлось дожидаться. Прошло минут пять. Вдруг скрипнула дверь. Поднял Матвей глаза: на пороге — товарищ Ленин.

Подскочил Торопыгин. Застыл как столб, руки к бёдрам прижал по-солдатски.

— Здравствуйте. Что же вы встали? Садитесь,— сказал Владимир Ильич.

Не решается Торопыгин.

— Садитесь, товарищ,— улыбнулся Владимир Ильич.

Наконец опустился Матвей на стул, правда, робко, на самый-самый краешек. И Ленин сел на рядом стоящий стул, глянул на парня:

— Вы из деревни?

— Да,— ответил, краснея, Матвей.

— Разрешите узнать, откуда?

— Вяземский.

— А поточнее?

— Деревня наша Анисовка.

— Так, так,— произнёс Владимир Ильич.— Как же у вас в Анисовке? Не обижает вас новая власть? Как в этом году озимые? Есть ли школа у вас на селе? Приходят ли к вам газеты? Слушаю вас. Прошу поподробнее.

Соображает Матвей, с чего же начать, как лучше ему ответить. «Не обижает»,— сказал про Советскую власть. «Уродятся»,— заявил про озимые. «Школы пока ещё нет, но на тот год непременно будет».

Но тут разговору их помешали — освободилось у парикмахера кресло.

— Пожалуйста,— обратился Владимир Ильич к Матвею.— Прошу вас, садитесь.

Растерялся Матвей:

— Да я. Да что же. Да я подожду.

— Нет, нет,— отвечает Ленин.— Очередь ваша.

— Мне же не к спеху, Владимир Ильич.

— Не спорьте!

Глянул Матвей на парикмахера.

Однако тот к такому, видать, привычный. Стоит, слегка улыбается. Глянул на Ленина.

— Владимир Ильич, да я подожду. Как-то оно неудобно...

— Удобно, удобно,— ответил Ленин.— Са-

дитесь, не тратьте время. У меня тут дельце одно имеется.

Владимир Ильич взял журнал, раскрыл и даже отвернулся от Торопыгина, чтобы лишний раз того не смущать.

— Проходите,— сказал парикмахер.

Что оставалось Матвею делать, уселся, бедняга, в кресло. Уже и не рад, что зашёл сюда. Сидит, словно не кресло под ним, а шило. Скорей бы, скорей побриться — только об этом и думает.

Кончил бритьё парикмахер. Схватился Матвей за шапку.

— Ну вот, теперь моя очередь,— весело сказал Владимир Ильич.— А вы помолодели, батенька. Эка какой красавец. Привет от меня вяземским.

Вернулся Торопыгин к себе в Анисовку.

— Ну и ну,— поражались крестьяне.— Ленина видел!

— Какой он? Что говорил?

— Привет нам? Вот это дело!

— Ну, а где ты товарища Ленина встретил?

Рассказал Торопыгин.

— Давай подробнее!

Рассказал подробнее.

Насупились вдруг крестьяне.

— Места не уступил? Не уважил товарища Ленина!

Матвей уж и так и эдак. Мол, так получилось. Мол, и сам он такому совсем не рад. Да где уж. И слушать его не хотят крестьяне.

— Опозорил, злодей, опозорил! Анисовку всю подвёл. А то и шире бери — всё трудовое крестьянство.

А дело в том, что в эти дни в Анисовке избирали сельский Совет. Намечался в Совет

и Матвей Торопыгин. До этого все горой за Матвея. Но теперь...

Как только собрался крестьянский сход:

— Не желаем,— вдруг закричали крестьяне.— Не желаем. Он места Ленину не уступил. Не желаем!

Однако поостыли затем крестьяне, проголосовали всё же они за Матвея. Ленина видел! С Лениным говорил! Как же без такого у них в Совете.

СТАРЫЕ ДВОРИКИ

Пожар полыхал целый день. А к вечеру от Старых Двориков остались лишь трубы и печи. Избы сгорели, амбары сгорели. Бани и те в огородах сгорели. Погибло всё: сундуки и полати, столы и иконы, телеги и сани. А самое страшное — весь урожай сгорел.

Редко такое бывает. А тут — на́ вот тебе, случилось.

Остались одни погорельцы. Собрались они на ужасном своём пепелище. Режет воздух бабий протяжный вой. Кто же беде поможет?

С брёвнами плохо — округа у них не лесистая. Да скоро ли наново всё построишь? Гвозди где взять, железо? А как же быть с хлебом? Двести голодных ртов! Осень к тому же стучится в двери.

— К Ленину нужно, к Ленину. Он единый заступник в таком несчастье.

Кто-то крикнул и тут же осекся.

— Да откуда у Ленина брёвна?!

— Да где это видано, чтобы хлеб из Москвы в село?!

— И всё же, сограждане, к Ленину,— нашёлся ещё один.— Расскажем, а там как присудит.

Добрались крестьяне к Ленину. Держат речь о своей беде. Взволнованно слушает Ленин.

— Скажите, как дети?

— Покамест в соседних сёлах.

— А как остальные?

— Землянки роем, с брёвнами плохо, Владимир Ильич.

— Ну с этим мы вам поможем. А вот избы надо быстрее построить. Управитесь?

— Нам бы лишь брёвна. А там уж даст бог.

— Тут бог ни при чём. Не поможет. Не даст,— Ленин задумался.— Скажите, квартируют в вашем уезде военные части?

— Пулемётные курсы в уезде есть.

— Вот это уже солиднее. В зерне тоже вам не откажем. Дадим, но минимальную норму. Прежде всего для посева.

— Благодарствуем,— кланяться стали крестьяне.— Спасибо вам от всего села.

— Рано, рано,— остановил их Владимир Ильич. Снял телефонную трубку: — Тут крестьяне в большой беде.— И дальше — про брёвна.

Повесил. Снова снял телефонную трубку:

— Тут крестьяне в большой беде.— И дальше — про пулемётные курсы.

В третий раз позвонил Владимир Ильич и распорядился в отношении хлеба.

— Ну вот теперь всё,— сказал Владимир Ильич.— Надеюсь, всё будет у вас в порядке.

Вскоре в Старые Дворики прибыли обещанные лес и хлеб. А вслед за ними и рота с уездных курсов. Дружно пошла работа.

Месяц — и вновь народилось село.

Стоит оно новое-новое. Красуется избами ладными в ряд.

Собрались у изб крестьяне.

— Да какие же это Старые Дворики — новое нынче у нас село. Ему и название нужно новое.

— Верно! — шумят крестьяне.

Пошли предложения:

— Новые Дворики.

— Светлые Дворики.

— Высокие Дворики.

— Не то, не то,— идут голоса.— Хорошо, да не то. Не самое меткое.

И вдруг.

— Дворики Ленинские! — выкрикнул кто-то.

— Вот теперь то! — торжествуют крестьяне.

Нет Старых Двориков. Дворики Ленинские на том месте теперь стоят.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

— Ну вот теперь уже всё,— улыбнулся Владимир Ильич.— Теперь уже, батенька, наверняка.— Ленин сел в автомобиль, хлопнул дверкой, помахал рукой Надежде Константиновне; машина тронулась.

Владимир Ильич отправился на охоту. Не раз за последние месяцы Ленин собирался уехать за город, побродить по лесам с ружьём. Да всё мешали дела. Срывались всегда поездки.

Но сегодня... Нет, изумительный нынче день. Ничто не мешает Ленину. В лес, на охоту, на природу едет Владимир Ильич.

Приехал Ленин в Верейский уезд, в деревню Моденово. Оставил в селе машину, вынул ружьё, с провожатым отправился в лес.

Идёт Владимир Ильич по селу, кого ни увидит:

— Здравствуйте!

К одному:

— Хорошо ли работает сельский у вас Совет?

К другому:

— Как с керосином у вас в магазине? Приходят ли к вам газеты?

Интересуется жизнью крестьянской Ленин. Отвечают крестьяне, а сами: «Кто же это такой приехал?»

Верейский — далёкий, глухой уезд. Кто же сюда пожаловал? И вдруг. «Ленин приехал! Ленин приехал!» Набатом рванула весть по селу. Полетела к соседям в другие деревни.

Идут Владимир Ильич и его провожатый по зимнему лесу. Ружья несут в руках. День погожий. Не так чтобы очень морозило. Солнце стоит на небе. А ночью была пороша. Любой след на снегу — новый, недавний след. Для зверя — тревожный час. Для охотника — лучшее время.

— Будто словно для нас,— говорит провожатый.— Угодила, Владимир Ильич, погода. Вот тут, ещё с полверсты,— и самое лучшее место. От поворота пойдём налево, и...— Провожатый махнул рукой: мол, вот там-то и будет самая охота.

Подошли к повороту. Вдруг слышат сзади шаги, будто кто-то бежит по следу.

Оглянулись Владимир Ильич и напарник. Видят — два парня. Оба от быстрого бега устало дышат. Остановились парни.

— Товарищ Владимир Ильич, разрешите, мы к вам.

— Слушаю вас, товарищи.

Объясняют парни, что они из села, что просьба у них от села к Владимиру Ильичу. Тянут Ленину лист бумаги. В бумаге и изложена просьба — просят крестьяне села Моденово, чтобы Владимир Ильич встретился с ними, чтобы провёл беседу.

Посмотрел Владимир Ильич на парней, глянул на провожатого.

— Ну и народ,— проворчал провожатый.— Совести нет.— Повернулся к парням: — Товарищу Ленину отдых нужен.

Опустили посыльные головы. Хотели извиниться, уйти.

— Нет, нет,— остановил их Владимир Ильич.— Подождите. Ведь я ещё ничего не ответил. Передайте крестьянам, что я согласен.

— Спасибо! — крикнули парни и помчались назад в Моденово.

Повернул к деревне и Владимир Ильич.

— Э-эх,— вздохнул провожатый.— День-то сегодня какой. Зайцы над нами небось смеются.

— Смеются?! — развеселился Владимир Ильич.— Что же, пусть зайцам сегодня живётся.

Встретился Владимир Ильич с крестьянами. Вопросы, ответы, опять вопросы. Ответил на все вопросы подробно крестьянам товарищ Ленин. А затем рассказал о великом и дивном плане — об электрификации всей России. Застыли, словно во сне, крестьяне. Каждое слово душою ловят.

За окнами стало темнеть. Короток день по-зимнему...

Ждёт в Москве Надежда Константиновна Владимира Ильича.

«Ну вот, наконец-то Владимир Ильич отдохнул,— радуется.— Походил по полям, по лесу. Погода какая выдалась!»

Вернулся Владимир Ильич домой. Вошёл возбуждённый, довольный.

— Правда, Володя, удивительный нынче день!

Вспомнил Владимир Ильич село Моденово, встречу в лесу с парнями, потом почему-то зайцев, которые и до сих пор, наверно, в ле-

су смеются, наконец, беседу свою с крестьянами.

— Удивительный,— рассмеялся Владимир Ильич.

ОТЛИЧНЫЙ ПОЧЕРК

Ленин держал в руках письмо. Читал. Восхищался.

— Хороший почерк. Прекрасный почерк. Изумительное письмо.

На имя Владимира Ильича Ленина поступало огромное количество писем. Особенно он любил читать те, которые приходили от рабочих и крестьян.

Одно из таких и было сейчас в руках у Владимира Ильича. Пришло оно издалека, с Алтая, из-под города Барнаула. Прислал его рядовой крестьянин.

Начиналось письмо разговором о продналоге.

В годы гражданской войны Советское правительство установило жёсткий порядок в заготовке для страны хлеба. Все излишки зерна, то есть весь хлеб, кроме того, который был необходим для пропитания семьи, крестьяне сдавали государству. Это называлось продразвёрсткой. Теперь продразвёрстку Ленин предложил заменить продналогом. Каждое крестьянское хозяйство должно было отдать государству лишь часть урожая — продналог. Всё же остальное снятое с полей зерно оставалось в крестьянской семье. Крестьянин мог его продать, обменять или поступить с ним так, как ему хочется.

Хорошая форма продналог. Чем лучше будешь работать, чем больше соберёшь урожай, тем и государству и тебе выгоднее.

Крестьяне приветствовали введение продналога. Вот и этот ленинский корреспондент. Так

и писал: «Дорогой Владимир Ильич! Разумная вещь продналог. Справедливая».

Рад Ленин письму. Рад словам о продналоге. Рад и другим суждениям, которые содержались в письме барнаульского крестьянина. А их было сразу несколько.

Крестьянин писал о сельскохозяйственном инвентаре, о машинах. Мало, мол, сельскохозяйственных машин на селе. Писал об агрономах и ветеринарных врачах, о том, что и их сейчас «днём с огнём не найдёшь в селе», а без людей знающих «крестьянскому делу считай — труба».

— Труба, труба,— рассмеялся Владимир Ильич.

Не жалобы заинтересовали Ленина. Поразило Владимира Ильича другое. Автор письма не только сетовал на нехватку сельскохозяйственных машин в деревне, но и советовал, как улучшить использование тех, которые всё же имелись. «Надо организовать уездные и волостные прокатные пункты»,— писал он, то есть предлагал такую организационную форму, когда одними и теми же машинами могли воспользоваться сразу много сельских хозяйств.

Говоря о нехватке агрономов и ветеринарных врачей, барнаулец рекомендовал смелее посылать сельскую молодёжь на учёбу.

Каждое из своих предложений он заключал словами: «Наше это теперь дело — кровное».

Слово «кровное» Владимир Ильич подчеркнул красным карандашом.

И ещё одно место очень понравилось Ленину.

«Край у нас привольный,— сообщалось в письме,— травы дойные. Однако коровёнки хилые. Нету в них породы». Крестьянин писал, что сюда, на Алтай, под Барнаул, он переселился из Ярославской губернии, вспоминал ярославских

помещиков: «Баре разводили племенной скот. Знали свой интерес».

Кончалось письмо словами: «Есть Советской власти над чем подумать». И снова: «Наше это теперь дело — кровное».

— Верно, есть над чем подумать,— вслух произнёс Ленин.

Письмо барнаульского крестьянина Ленин специально показывал видным советским работникам. Показал и представителю Наркомата земледелия.

— Прекрасное письмо,— говорил Ленин.— Умное. Представьте — целая программа. Вот какие у нас крестьяне. Замечательное письмо. Отличный почерк.

Глянул представитель на письмо. Строчки неровные, буквы расползаются. Каракули сплошные.

— Ну и почерк, Владимир Ильич. Сплошные каракули.

Улыбнулся Ленин:

— Что вы. Что вы. Вчитайтесь. Отличный почерк!

«СТЕПА-А-АН МАРКЕЛЫЧ!»

— Владимир Ильич!

Ленин не отзывался.

— Влади-и-мир Ильич!

Снова молчание. Лишь ветерок что-то промямлил в еловых лапах.

Старик крестьянин Степан Маркелыч, сопровождавший Ленина на охоте, заволновался. Он с тревогой глянул по сторонам, вытянул шею, прислушался.

Разошлись они с Лениным час назад. Договорились встретиться вот здесь на просеке, у старого вяза. Ждёт Маркелыч, а Ленина нет.

— Влади-и-мир Ильич!

Нет Ленина.

«Что бы такое?» — теряется в догадках Степан Маркелыч. Знает он, что Ленин очень точен во времени. Заплутал, наверно, Владимир Ильич. А может, что-то случилось. Нечего ждать. Надо идти на поиски.

Ушёл старик, а через несколько минут появился у вяза Ленин. Посмотрел — нет в условленном месте Маркелыча.

«Что бы такое?» — подумал Ленин. Знает Владимир Ильич, что Маркелыч человек аккуратный. Значит, что-то случилось. Встревожился Ленин. Походил он немного у вяза. Нет. Надо идти на поиски.

Идёт Ленин по лесу:

— Степан Маркелыч!

Остановится. Прислушается.

— Степ-а-ан Маркелыч!

И Маркелыч по лесу ходит. Только в другой его части.

— Владимир Ильич! — слышится глухой стариковский голос.

— Влади-и-мир Ильич!

Не разыскал Маркелыч Владимира Ильича, решил снова вернуться к вязу.

И Владимир Ильич не нашёл Маркелыча и тоже решил повернуть назад.

Только поравнялся старый крестьянин с вязом, смотрит — из ельника на просеку выходит Ленин.

У старика при виде Владимира Ильича словно камень с плеч свалился.

И Ленин вздохнул наконец облегчённо — цел, невредим Маркелыч.

Неудобно стало Владимиру Ильичу за свою тревогу. Решил он скрыть, что искал Маркелыча.

И старику неудобно высказывать своё беспокойство. Делает вид, что вовсе не отходил никуда от вяза.

— Простите, Степан Маркелыч,— сказал Владимир Ильич.— Не сердитесь. Представьте себе — лесом залюбовался, красотища у вас какая.

— Да что вы, Владимир Ильич,— отвечает старик.— Какой уж здесь счёт. Да я на дятла тут засмотрелся. Ить, паршивец, всё стук да стук.

— Вот и отлично,— сказал Владимир Ильич.

Однако потом, когда они двинулись дальше по просеке, старик не выдержал и признался:

— А я вас искал, Владимир Ильич.

— Да что вы говорите! — поразился Ленин.

— Искал. Всё думал — беда какая.

— Эка какой беспокойный вы, батенька, человек,— произнёс Владимир Ильич.

— Беспокойный,— признался Степан Маркелыч.

Ленин заулыбался.

Глянул старик на Ленина. «Что бы такое? Кажись, смешного ничего не сказал. Чему улыбается Ленин?»

ПАМЯТНИК

Крестьяне одной из сибирских станиц решили поставить Ленину памятник.

Послали они в Москву своих делегатов с наказом получить от Владимира Ильича на то разрешение.

Прибыли делегаты. Принял их Ленин.

— Здравствуйте. Как вы доехали?

— Хорошо,— отвечают крестьяне.

— Как у вас с урожаем?

— Бог не обидел.

— Нет ли перебоев с товарами в ваших местах?

— Завозят, Владимир Ильич, завозят. И ситцу хватает, и гвозди есть, и с мылом нужды не терпим.

— Ну что же, очень приятные вести,— улыбнулся Владимир Ильич.— Тогда вопросы мои исчерпаны. Слушаю вас, товарищи.

Рассказали делегаты, в чём дело.

— Памятник? — переспросил Владимир Ильич.

— Памятник,— отвечают крестьяне.— Мы уже и камень для фундамента завезли,— сообщили они не без гордости.— И место, Владимир Ильич, хорошее — на вышине. Берёзы стоят в два обхвата. Речка, желаешь,— рядом. Видно кругом. Так что обижен, Владимир Ильич, не будешь.

— А вот и буду,— ответил Ленин. Улыбка сошла с лица.— Буду, и даже очень.

Смутились крестьяне. Не ожидали, что дело примет такой поворот.

— Место, согласен, отличное,— продолжал Владимир Ильич.— А вот что касается памятника, то тут я решительно против. Категорически. Так и скажите в Сибири товарищам. Благодарю за внимание. Желаю успехов,— попрощался Владимир Ильич.

Вернулись делегаты к себе в станицу, рассказали о встрече с Лениным.

Как водится, пошли разговоры:

— Не желает, выходит, Владимир Ильич.

— Может, место ему не понравилось?

— А вы толком с ним говорили? Сказали, что камень уже завезён?

— Сказали, сказали,— отвечают делегаты.— И место ему понравилось. И мы говорили

яснее ясного. Дело тут, мужики, другое — скромность великая в Ленине.

Хотели крестьяне наперекор всему всё же поставить памятник Владимиру Ильичу. Однако потом не решились. Уж очень против товарищ Ленин.

— Может, ему виднее...

Стали крестьяне думать, что же им делать с камнем. И место хорошее — зря пропадает.

И вот после долгих споров и пересудов пришли вдруг к такому согласию: построить на месте у тех вековых берёз на зависть округе школу.

Решили и сделали.

Стоит она нынче на вышине, вписалась в сибирское небо. Берёзы по каждой весне новой листвой рождаются. Речка журчит под обрывом.

Полнится всё вокруг весёлым ребячьим смехом.

Идут годы, один за другим. Уходят жизни, события в прошлое. А школа стоит.

Стоит в сибирской станице памятник вечный Ленину.

РАЗ, ДВА, ТРИ

Редко удавалось Владимиру Ильичу оторваться от срочных и важных дел. И всё же нет-нет выкроит Ленин время, сядет в автомобиль, уедет за город куда-нибудь прямо в лес.

Выйдет Владимир Ильич из машины, снимет кепку, заложит руки за спину, пойдёт бродить между берёз и елей.

Идёт Владимир Ильич не торопясь. Увидит белку, остановится, на белку посмотрит. Услышит птичий щебет, подымет голову, смотрит на птиц. Ползёт по траве букашка. На букашку Владимир Ильич посмотрит. На гриб залюбует-

ся, на нехитрый лесной цветок. Всё интересно Ленину. Отдыхает в такие минуты Ленин.

Походит Владимир Ильич по лесу, вернётся в Москву. Снова садится работать до поздней ночи.

В одну из прогулок, выйдя в лесу на поляну, Ленин увидел девочку.

Девочка маленькая. С чужого плеча пальтишко. Из-под платка косичка на мир глядит. Стоит она у берёзы и горько плачет. Держит в руках лукошко. В лукошке гриб, всего один — подосиновик.

— Ты что же плачешь? — спросил Владимир Ильич.

Не ответила девочка.

Даже сильнее ещё заплакала.

— Ну вот, такая большая девочка,— покачал головой Владимир Ильич.— Не стыдно тебе?

Не помогло.

Видит Ленин, упрямая девочка. Порылся Владимир Ильич в кармане, наклонился к лукошку:

— Раз, два, три — появись на дне орех! — И смотрит на дно лукошка.

Девочка заинтересовалась. Стихла. Заглянула она в лукошко, правда — лежит орех.

«Вот это да!» — поразилась девочка. Вытерла слёзы, смотрит удивлённо на Ленина.

— Как же тебя зовут? — спросил Владимир Ильич.

— Варя.

— Что же, Варя, с тобой случилось?

— Заблудилась,— прохныкала девочка.

— Где же твой дом?

— Я из Мироновки.

— Не тужи. Разыщем твою Мироновку.

Взял Ленин Варю за руку, повёл чуть заметной тропкой к автомобилю.

Идут они лесом.

— А где же твои грибы?

Неудачлива Варя.

Не попались Варе в лесу грибы.

Пусто в её лукошке.

— Нехорошо возвращаться домой с пустыми руками,— сказал Владимир Ильич.— Это дело надо поправить.

Свернул Владимир Ильич с тропинки, остановился и вдруг.

— Раз, два, три — появись-ка белый гриб!

Глянула девочка, верно — гриб. Гриб боровик. Толстая ножка, мясистая шляпка, под дубком, как солдат, стоит. Наклонилась Варя, а рядом ещё один гриб, чуть дальше стоит и третий. За третьим ещё и ещё. Собрала их девочка — полно лукошко. Смотрит удивлённо на Ленина.

Прошли они лесом ещё немного. Остановился Ленин, хитро глаза сощурил и вдруг.

— Раз, два, три — появись автомобиль!

Глянула Варя за куст, за ёлку. Ну и чудо, чудо из всех чудес — стоит на полянке автомобиль.

— Что же, садись,— сказал Владимир Ильич и открыл перед Варей дверцу.

Лезет Варя, торопится.

Покатил автомобиль сначала по лесной дороге, потом полем — с бугра на бугор. Поворот. Вот и мелькнула Мироновка.

Только не рада Варя теперь Мироновке. Жалко ей, что вот и кончается всё.

Довёз Ленин девочку до самой околицы, помахал на прощание рукой, уехал.

Прибежала Варя домой, рассказала, как заблудилась она в лесу, как появился потом в лесу незнакомый ей человек. Про чудеса рассказала: про автомобиль, про грибы, про орех.

— Он волшебник,— шептала Варя.— Он всё, что желаешь, может.

Долго потом гадали в Мироновке, какой же такой человек Варю из лесу вывел.

СНЕГИРЬ

В Горках, гуляя по парку, Владимир Ильич часто подходил к одному и тому же месту. Высокая ель здесь росла, берёзка, у самой берёзки кусты.

Придёт Владимир Ильич, остановится, подымет голову вверх. Стоит долго-долго. Всё смотрит.

Что же такое там?

Снегири.

Зима. Запорошило снегом кругом дорожки. Ёлки в шубах стоят от снега. Разлетелись другие птицы. Остались в парке почти одни снегири. Зиме они даже рады.

Смотрит Владимир Ильич на забавных красивых птиц. Вот с розовой грудкой сидит снегирь. Вот ещё один с розовой. А вот прилетел и третий — с красной, как знамя, грудкой. Сразу видать — озорник и проказник: на головке сбились пёрышки в хохолок. Приметил его Владимир Ильич. И снегирь был неглупый — сообразил, что Ленину именно он больше других понравился.

Привыкли птицы к приходам Ленина. Знают: то хлебных крошек принесёт для них Владимир Ильич, а то и самое вкусное — горсть конопляного семени.

Утро. Едва рассветёт — тут как тут уже снегири. Ждут, когда же появится Ленин.

Непоседы вообще снегири. Эти, однако, прижились. Неделю крутились в парке.

Любуется Ленин на птичку с красной, как

знамя, грудкой. Уж больно потешный снегирь. Сядет на ветку, грудку расправит, головку подымет, смотри, мол, Владимир Ильич. Правда, я самый красивый?

— Правда,— ответит Ленин.

Резвится снегирь: прыг-скок, прыг-скок, с ветки на ветку, с берёзки на ёлку, с ёлки на куст. То вспорхнёт, то снова присядет. Пронесётся у Ленина над головой, бухнется в снег и снова спешит на ветку. Скосит головку, на Ленина с ветки смотрит: «Вот я какой! Правда, я самый проворный?»

Но однажды, гуляя по парку, Владимир Ильич не застал на месте весёлого снегиря. Походил Ильич по другим дорожкам, вернулся — снова нет снегиря.

Забеспокоился Ленин:

— Что же случилось?

А дело в том, что попался снегирь в силок. Поймал его мальчишка. Егорка Исаев. Поймал, посадил в клетку, повесил в избе. Томится снегирь в неволе.

Не обнаружил нигде Владимир Ильич снегиря, зато повстречал Егорку. Мальчик снова пришёл сюда, в парк, и снова силки расставил.

Глянул Владимир Ильич на Егорку, на огромный отцовский треух, на огромные дедовы валенки:

— Ты не видел здесь снегиря с красной пушистой грудкой?

«Видел»,— хотел было сказать Егорка. Но тут же подумал, а что, если Ленин спросит: «Так где же снегирь?»

— Нет, не видел,— сказал Егорка.

— Неужели замёрз снегирь! — тревожится Ленин.

«Да он же сидит в тепле»,— хотел было сказать Егорка. Но тут же осекся.

Потупил глаза мальчишка. Ясно Егорке — очень расстроен Ленин.

— Замёрз, замёрз,— сокрушается Ленин.— Или кошка его схватила.

Не сдержался Егорка.

— Нет,— замахал головой.— Нет. Он живой. Он прилетит.

— Прилетит?!

— Прилетит, прилетит! — закричал Егорка.

Пришёл Владимир Ильич на следующий день к берёзке. Смотрит — прав оказался Егорка, сидит на кустах снегирь. А под берёзкой стоит Егорка.

Посмотрел Владимир Ильич на снегиря, посмотрел на мальчишку, широко улыбнулся.

— Здравствуй,— сказал Егорке.— Здравствуй,— сказал снегирю.— Где же ты пропадал?

Раскрыл снегирь свой короткий клюв, на Егорку с берёзки глянул.

Похолодело в душе у Егорки. Выдаст его снегирь, вот возьмёт и всё Владимиру Ильичу расскажет.

Однако снегирь смолчал. Понял: не такой уж противный Егорка мальчик. Зачем же зря выдавать Егорку.

ГОРОДКИ

Ленин любил играть в городки. Играл ловко, бил метко. Размахнётся, бросит биту — разлетаются городки, словно воробьи, в разные стороны.

Как-то в Горках, в парке на городошной площадке, Владимир Ильич увидел мальчика. Спросил, как зовут.

— Ивашка.

— Ну что же, Ивашка, давай сыграем.

Стали они играть. Только какой же игрок из

Ивашки. То недобросит биту, то перебросит, то угодит в кусты.

Пожалел Владимир Ильич Ивашку, сделал так, что всё же Ивашка выиграл. Ленин специально биту бросал мимо цели.

Возгордился мальчишка. Вернулся в деревню, бежит от избы к избе:

— Я у Ленина выиграл! Я у Ленина выиграл! Я у Ленина выиграл!

Не верят ему ребята. Знают — хвастливый у них Ивашка.

— А вот и правда, правда! — кричит Ивашка.— Я точно бью. Глаз у меня — ого!

Кончилось тем, что побился Ивашка с ребятами об заклад на щелчки, что он ещё раз осилит товарища Ленина. Все ребята, если хотят, сами своими глазами такое увидят.

Наутро собрались мальчишки гурьбой и двинулись в парк к товарищу Ленину. Пролезли через забор — знали ребята в ограде щёлку, незаметной тропкой прошли к городошной площадке. Спрятались кто за ель, кто за берёзу, кто за сосну, а самый маленький, Кузя Синичкин, залез в кусты. Притихли ребята, ждут: не придёт ли товарищ Ленин.

А Ленин и вправду в это время гулял по парку и скоро вышел сюда к площадке. Смотрит — стоит Ивашка.

— Здравствуй, Ивашка. Вижу, понравились тебе городки.

— Очень,— сказал Ивашка.

— Ну что же, давай сыграем.

Ивашка только того и ждал. Побежал он, расставил фигуры, стали они играть.

Первым бил по фигурам Ивашка.

Бросил одну биту, просвистела она и... мимо. Бросил вторую, и снова мимо.

— Нет, так не пойдёт,— сказал Владимир

Ильич.— Не торопись. Целься внимательней. Бей снизу. Вот посмотри.

Взял Владимир Ильич биту, размахнулся. Полетела она, резанула по воздуху, закружилась — и прямо в цель.

Высунулись ребята из-за берёз и елей. Вот это удар! Зараз всю фигуру выбил!

Снова подходит Ивашкин черёд. Снова бьёт он и снова мимо.

— Не торопись,— повторяет Ленин. И снова Ивашку учит.— Неплохо, неплохо,— приговаривает Владимир Ильич.— Вот видишь, совсем неплохо.

Подбадривает Ленин мальчишку. Но, если правду сказать, дела у Ивашки плохи. Понимают это ребята. Хихикнул в кустах Синичкин.

Приуныл Ивашка.

Видит Владимир Ильич, что Ивашка скис. Пожалел он опять мальчишку. Сделал Ленин так, что снова Ивашка выиграл.

Простился Владимир Ильич, ушёл.

Возгордился опять Ивашка. К ребятам:

— Видели! А ну, подставляйте лбы!

Что же тут делать? Пришлось ребятам подставить лбы. Бил Ивашка в полную силу. Даже маленького Кузю Синичкина не пожалел.

— Вот вам! Вот вам! — кричал Ивашка.

Вернулся мальчишка в деревню, бежит от избы к избе:

— Я у Ленина выиграл! Я у Ленина выиграл! Я целкий! Глаз у меня — ого!

Ну и хвастливый этот Ивашка! Ну и крикливый этот Ивашка! Обозлились, излупили ребята мальчишку. Не знаю, как вам, а мне Ивашку совсем не жаль.

ЁЖИК

Ёжик — это совсем не ёжик. Ёжик — это мальчик Петя Мельников. Маленький он, подвижный и очень шустрый. Бежит Петя — башмачки по земле, словно ёжик по полу, стук, стук.

Живёт Петя-Ёжик под Москвой на Бутырском хуторе. В те годы здесь находилось учебно-опытное хозяйство Московского зоотехнического института. Мама Ёжика Татьяна Михайловна Мельникова работала в нём дояркой.

На землях Бутырского хутора в октябре 1921 года состоялось испытание электротрактора.

Сконструировали такой трактор изобретатели. Заинтересовался им Владимир Ильич Ленин. Специально приехал на испытания.

Много тогда людей посмотреть на электропахоту собралось. Прибежал и Ёжик.

Увидел Владимир Ильич мальчика:

— Как тебя звать?

— Ёжик.

— Ёжик? — поразился Владимир Ильич.— Это твоя фамилия? Наверное, ты Ёжиков?

— Нет,— ответил мальчик.— Моя фамилия Мельников.

— Значит, тебя прозвали Ёжиком,— сказал Ленин.

— Нет,— ответил мальчик.— Не прозвали. Меня мамка так назвала.

— Ах вот как,— улыбнулся Владимир Ильич. Подумал: «Забавный мальчик».— В школу ходишь?

— Скоро пойду.

— Учиться хочешь?

— Очень,— ответил Ёжик.

— Значит, пока отдыхаешь. Сил набираешься.

— Вот ещё,— нахмурился мальчик.— Отдыхаешь! Телят пасу.

— Молодец,— сказал Ленин.

Стоит Ёжик — крохотный-крохотный. Семью ветрами пальтишко подбито. Сапоги не сапоги — какое-то странное сооружение из кожи и тряпок на ногах. Словно копна сена, огромная солдатская папаха на голове.

Не мог Владимир Ильич долго разговаривать с мальчиком. Другие дела у Ленина. Обступили Владимира Ильича взрослые. О работе учебно-опытного хозяйства возник у них разговор.

Однако затем, когда началось испытание плуга и Ленин вместе с другими ходил по полю, Ёжик вновь оказался рядом с Владимиром Ильичём.

Идёт электроплуг, прокладывает свежую борозду. Слетаются к бороздке галки.

— Кыш, кыш! — кричит Ёжик. Схватил ветку. Побежал к галкам: — Кыш, кыш!

— Не балуй,— кто-то прикрикнул на Ёжика.

Постоял мальчик минуту, вторую спокойно. Галок всё больше и больше.

Не сдержался Ёжик и снова к галкам:

— Кыш! Кыш!

Даже камнем в них запустил.

Посмотрел неодобрительно на Ёжика теперь и Владимир Ильич:

— Нехорошо, Ёжик.

Двое взрослых подошли к мальчику:

— Ты что же — опять!

— А чего они червяков обижают,— сказал Ёжик.

— А ну-ка отсюда — марш!

Насупился Ёжик. Отошёл. Стал за чужие спины.

Почти никто не услышал ответа Ёжика. А вот Ленин услышал. Понял Владимир Ильич,

что у Ёжика не злая, а, наоборот, если он защищает даже червяков, очень добрая душа. Не хотел Владимир Ильич, чтобы всё так закончилось с Ёжиком.

Сделал он ещё несколько шагов по полю. Остановился. Посмотрел по сторонам:

— А где же Ёжик?

Переглянулись взрослые.

— Ёжик! — позвал Владимир Ильич.

— Тут я! Тут я! — закричал мальчик.

Рванулся Ёжик из-за чужих спин к Владимиру Ильичу. Прижался. Не отходил теперь ни на шаг. Даже когда все с Лениным фотографировались, стоял рядом, не отрываясь от Владимира Ильича.

Несколько часов провёл в тот день Ленин на Бутырском хуторе. И электропахоту наблюдал, и на молочной ферме побывал, и даже новый двухэтажный дом, построенный для сотрудников опытного хозяйства, осмотрел.

Вернулся Владимир Ильич в Москву, домой. Рассказал про испытание электроплуга, об учебно-опытном хозяйстве, о новом доме, а затем:

— А мы Ёжика видели.

Пояснил он, какого Ёжика.

— Скоро учиться пойдёт. Чудесные дети у нас растут,— сказал Владимир Ильич.

Прошло два дня, и вдруг кремлёвский автомобиль вновь появился на Бутырском хуторе.

— Ленин приехал! Ленин приехал! — закричал Ёжик.

Но это приехал не Ленин, хотя автомобиль был и ленинский.

Вышел шофёр из кабины, спросил у кого-то из прохожих:

— Скажите, где здесь живёт Татьяна Михайловна Мельникова?

— Так это же мама моя! — закричал Ёжик.

Вошёл шофёр к Мельниковым в дом, передал Татьяне Михайловне свёрток, что-то сказал. Уехал.

Положила Татьяна Михайловна свёрток перед сыном. Смотрит с каким-то неверием то на свёрток, то на Ёжика.

— Это тебе.

— Мне?! — выкрикнул Ёжик.

— Тебе.

Подошёл мальчик нерешительно к свёртку. Развернул осторожно. Богатство целое. Тёплое пальто с меховым воротником, шапка-ушанка, детские сапоги.

А вот и ещё что-то. Ещё один свёрток. Развернул и его Ёжик. Смотрит. Учебники. Новенькие. Букварь, арифметический задачник, хрестоматия...

Рад Ёжик обновам. А ещё больше радуется учебникам. Особенно букварю.

Схватил книгу. Раскрыл. В книге записка: «Пете-Ёжику — Ульянов-Ленин».

ОПЕРЕДИЛ

Лёнька купался в Пахре. В это время на берегу реки появился Ленин. По строгому приказу врачей прибыл Ленин в Горки на отдых.

Засмотрелся Владимир Ильич на Лёньку — уж больно ловко мальчишка плавал. Кувыркался в воде, нырял. Ложился на спину. Скользил по течению, против. От берега к берегу и снова назад возвращался без всякого отдыха.

И Лёнька заметил Ленина. Только не знал он, что это Ленин. Приехал Лёнька в Горки недавно, принял Владимира Ильича за простого дяденьку.

Когда мальчик вылез на берег, Ленин спросил:

— Ну, как вода?

— Мокрая,— буркнул Лёнька.

Был мальчишка неразговорчивым.

— Значит, мокрая,— усмехнулся Владимир Ильич. Однако мальчик чем-то ему понравился.

Сел Ленин на травянистый пологий склон, глянул на воду, на Лёньку, снова на воду, потом повернулся к мальчишке и вдруг сказал:

— Давай наперегонки.

— Можно,— важно ответил Лёнька.

Лёнька отлично плавал. Но и Владимир Ильич был прекрасным пловцом. Он же волжанин. Редко кому удавалось в воде обогнать Ленина.

Поплыли Владимир Ильич и Лёнька. И случилось вдруг так, что мальчик Ленина опередил.

Возвращался домой Владимир Ильич огорчённым.

— Плохи наши дела. Сдаём. Стареем... Стареем. Силы уже не те.

Испортил Лёнька в тот день настроение Ленину.

Сам же Лёнька весьма доволен. Вернулся он в Горки и всем рассказал, что обогнал на Пахре городского дяденьку.

— Да каков он? — полезли с вопросами ребята.

— Да так, невысокого роста, среднего.

— С бородкой?

— С бородкой.

— С усами?

— С усами.

— Лоб высокий, считай, в две ладони?

— Эге.

— Вот так дяденька! — закричали ребята.— Это же Ленин!

У Лёньки так и раскрылся рот.

Неловко тут стало Лёньке: и Ленина обогнал,

и разговаривал с ним не очень приветливо. Решил он исправить свою оплошность.

На следующий день мальчик снова помчал на Пахру. Крутился там до самого вечера. Но Ленин не появился.

Больше недели Лёнька ходил к реке. Лишь на десятый день мальчик снова увидел Ленина.

— Ну, как вода? — спросил Владимир Ильич.

— Тёплая! — закричал Лёнька.— Тёплая. Страсть какая тёплая, Владимир Ильич. Аж горячая!

— Значит, горячая,— усмехнулся Владимир Ильич.

Хочется Лёньке заманить побыстрее Ленина в воду.

— Распрекрасная нынче вода. Пуховая...

Договорились Ленин и Лёнька снова попробовать силы вперегонки. Бросили в воду палку. Поплыли. Лёнька только того и ждал.

Плывёт Лёнька, а сам норовит так, чтобы отстать, но делает это незаметно, чтобы себя не выдать. Для пущей убедительности тяжело дышит.

Но всё же Ленин заметил. Повернулся он к Лёньке:

— Ты что-то хитришь!

— Да что вы, Владимир Ильич,— уверяет Лёнька.

Врёт, самому Ленину врёт и не краснеет.

Понимает Ленин, что Лёнька врёт. Решил уличить мальчишку.

Поплыл Владимир Ильич чуть тише. Смотрит — и Лёнька чуть тише. Ленин взял и ещё потише. И Лёнька снова замедлил движение. Плывут они так, и чем ближе к палке, тем тише и тише. Вот-вот остановятся.

Остановился Ленин — и к Лёньке:

— Вот и попался!

Понимает Лёнька, что он попался, потупил взор.

— Нехорошо это, Лёня,— уже потом на берегу сказал Владимир Ильич.— Непорядочно. Придётся нам повторить.

Снова бросили палку. Снова поплыли. Ясно Лёньке — не получился его обман. Пришлось плыть в полную силу. Плывёт он, и что же? Отстаёт мальчишка от Ленина. Поднажал Лёнька, хотел обогнать Владимира Ильича, видит — не может. Ещё сильнее забил руками — снова не может. Уже не прикидывается, а на самом деле пыхтит-гудит, а всё же догнать Ильича не может.

Не угнался за Лениным Лёнька. Сконфузился, сник мальчишка.

Возвращался домой Владимир Ильич довольный:

— Значит, наша ещё не сдаёт. Значит, наша ещё поборется...

Идёт Владимир Ильич по тропке.

— Это же просто отменно. Значит, можно закончить отдых. Есть ещё порох в пороховницах.

Зато Лёнька плёлся домой смущённый. Хотя и получилось так, как мальчишка того хотел, уступил же он первенство Ленину. Да всё же... Эх, не так представлял себе Лёнька это!

АРБУЗЫ

Всё лето Мишатка растил арбуз. И Родька тоже растил арбуз. Жили они по соседству.

Вначале птиц с огорода гоняли, всё боялись, как бы птицы завязь не склюнули. Потом, а лето в тот год было жаркое-жаркое, с вёдрами к речке бегали и иссохшую землю водой поили. Затем

целыми днями в лопухах при огородах сидели — караулили, чтобы мальчишки арбузы не срезали.

Грелись арбузы на солнышке и не знали того, что у Мишатки и Родьки была тайна. Растили мальчишки арбузы в подарок товарищу Ленину.

Уродились они огромными, весом в полпуда каждый.

Довольны ребята. Стали собираться они в Москву. Где находилась Москва, Мишатка точно не знал.

— Она вон там,— объяснял Родька,— за тем полем, за тем лугом, за тем лесом. Недалеко. Вёрст двадцать.

А на самом деле от этих мест до Москвы было без малого тысяча вёрст.

Незаметно от родителей насушили ребята на дорогу сухарей. Родька стянул из кладовки полоску сала. Мишатка вынул из-под наседки пару яиц.

Собрались ребята. Но тут... Надо такому случиться!

Недосчиталась Мишаткина мать под наседкой яиц. Заметила Родькина мать, что не хватает в кладовке сала.

Сообразили они, где искать виновных.

Поначалу, конечно, мальчишки вовсю отпирались. Твердили, что тут они ни при чём — в курятник не лазили, сало не трогали. Но здесь появились отцы. Дело плохим запахло. Кончилось тем, что признались во всём ребята. И вдруг.

— А ведь верно,— сказали родители,— наши кубанские арбузы — чем не подарок товарищу Ленину.

Всем в станице понравилась эта мысль.

Решили станичные жители обязательно от-

править арбузы Владимиру Ильичу. Снарядили в Москву посыльного. Повёз он Родькин и Мишаткин подарок товарищу Ленину.

Владимир Ильич долго смотрел на степных красавцев, щёлкал их пальцем, отходил — всё любовался.

— Хороши, хороши,— приговаривал Ленин.— Это же просто чудо.

Просил Владимир Ильич передать от него ребятам привет и сердечную благодарность.

То-то гордились потом ребята. Да что ребята — вся станица гордилась.

И только одно смущало мальчишек: чей же арбуз оказался слаще?

Мишатка уверял, что, конечно, его арбуз.

Родька же спорил, кричал:

— Нет, мой! Мой непременно слаще!

Хотели ребята послать письмо товарищу Ленину, попросить, чтобы Владимир Ильич ответил.

Хотели, но не решились.

Правильно сделали. Ну что бы ответил ребятам Владимир Ильич? Он же арбузов тогда не попробовал. Ленин вспомнил других ребят. Полюбовался Владимир Ильич арбузами и отправил их в детский дом, в рабочий район Хамовники.

ФОМКА И НЮТКА

Не послушался Фомка совета Нютки. В первый раз не послушался...

Крестьяне села Кашино построили электростанцию. Строили дружно, все вместе. Электростанция хоть и маленькая, зато первая в тех местах. Появились в деревне столбы. К домам провода протянулись.

Радость у всех огромная.

— Первая! — торжествуют крестьяне.— Построили! Своими руками. Вот оно как!

Пригласили кашинцы на открытие электростанции Владимира Ильича.

Согласился Ленин. Собрался он в Кашино вместе с Надеждой Константиновной Крупской.

— Интересно, на чём же они приедут,— стал прикидывать Фомка.— Телегу за ними небось пошлют.

— Телегу! — усмехнулась Нютка, посмотрела на Фомку.— На автомобиле они прибудут — во!

Верно. Гости приехали на автомобиле.

Хорошо их встретили в Кашине, с оркестром.

— Сейчас «Интернационал» заиграют,— сказала Нютка.

Верно: сыграли «Интернационал».

Нютка всё знала. Была она старше Фомки, смышлёнее и умнее. Ходил Фомка за Нюткой, словно телок. Во всём слушался.

— А теперь их в избу поведут,— вновь объясняет Нютка.

И опять не ошиблась девчонка. Гостей повели в избу — погреться с дороги, дело было глубокой осенью, отведать крестьянского угощения.

Собрались ребята возле избы. Ждут, когда выйдет на улицу Ленин, смотрят, ещё кто-то приехал к ним в Кашино. Идёт по улице человек, ящик висит за спиной, в руках у него тренога.

— Ой, что будет, что будет! — зашептала Нютка на ухо Фомке.

Смотрит Фомка на Нютку — что же такое будет?

— Фотограф приехал,— сообщила Нютка.

И правда. Из города Волоколамска приехал фотограф. Подошёл он к избе, стал расставлять треногу.

Глазеют ребята. Им такое впервой. А Нютка уже снималась. В Волоколамске она бывала.

— Когда будут сниматься,— наставляет приятеля Нютка,— становись в первый ряд. Норови поближе к фотографу. Никто не заслонит.

Кивает Фомка, мол, как же, конечно, мол, понял.

— Не торопись. Выжди,— не унимается Нютка.— Пусть раньше другие сядут.

Вышли Владимир Ильич и Надежда Константиновна из избы — попали прямо в руки к фотографу.

Не любил Владимир Ильич фотографироваться. Но тут согласился.

— Только все вместе,— сказал крестьянам.— Общей давайте группой.

Притащили кашинцы лавок, скамеек. Расселись. Вместе со всеми сунулись было дети.

— Кыш, кыш! — закричали на них крестьяне.

— Зачем же,— сказал Владимир Ильич,— пусть и дети будут рядом со всеми.

Бросились ребята к Владимиру Ильичу, каждый старается сесть поближе. Рванулся и Фомка.

— Стой, не беги,— дёрнула Нютка дружка за руку.

Ослушался Фомка. Не удержался на месте. Побежал он со всеми и в общую кучу бухнулся.

А Нютка выждала. Потом важно уселась впереди всех на самом открытом месте.

— Внимание! — крикнул фотограф.— Раз, два. Снимаю! Готово.

До вечера пробыл Владимир Ильич в Кашине. Походил по селу, выступил на крестьянском митинге, посмотрел, как зажёгся электрический свет.

— Чудеса, поистине чудеса! — восхищался

электростанцией Ленин.— Прекрасный пример. Вот что значит, когда люди вместе берутся за общее дело. В этом огромная сила!

— Одобряет,— шептались крестьяне.— Оно же точно: когда все разом — сила людская множится.

Простился Владимир Ильич, пожелал крестьянам успехов, уехал.

Уехал и волоколамский фотограф. А через несколько дней прислал он крестьянам снимок.

Собрались крестьяне. Отличная фотография — ясная, чёткая. Вот Владимир Ильич сидит, вот рядом с ним Надежда Константиновна, вот дед Курков, вот Родионов, Семёнов, старуха Кашкина, другие крестьяне. А вот и ребята — все вместе, все рядом. Много их. Если считать — собьёшься.

Ищет каждый себя. Ищет и Нютка.

«Ну,— думает,— я на самом видном, на главном месте».

Смотрит Нютка. Нет Нютки. Вместо девчонки — край платка у обреза тёмным бугром торчит.

Не попала на снимок Нютка.

А Фомка попал. Если глянуть на фотографию, сидит он по самому центру. Только отцовская шапка чуть на глаза наехала. Не успел впопыхах шапку поправить Фомка.

Не послушался Фомка Нютки. Захотел быть со всеми. Не ошибся. Правильно Фомка сделал.

БЫЛ ЛИ В БАТУМИ ЛЕНИН?

Был ли в Батуми Ленин?

Если вам скажут «нет», не очень такому верьте.

Осенью 1921 года в городе Батуми собрался

Первый съезд Советов молодой Аджарской республики. Делегаты избрали Владимира Ильича Ленина почётным председателем съезда.

Прослышал Леван от отца, что Владимир Ильич избран почётным председателем съезда, что значит «почётный», не понял, решил, что Ленин приехал в Батуми.

Побежал он разносить друзьям-приятелям необычную весть.

Собрались Хута и Шалва, Реваз и Сандро, Ладо, Чичико и мальчик в очках Кукури.

Смотрят они на Левана.

— Ленин приехал в Батуми,— шепчет друзьям Леван.

— Ты не ошибся? — спросил Хута.

— Нет,— отвечает Леван.

— Ты точно уверен? — спросил Шалва.

— Да,— отвечает Леван.

— Странно,— сказал Кукури.

Помчались ребята к дому, в котором работал съезд, посмотреть на товарища Ленина. Дождались конца заседания.

Вот вышел дядя Вахтанг, вот вышел дядя Григорий, вот вышел вообще незнакомый дядя, потом появились дядя Кирилл Петрович, тетя Бондо, дяди Алио и Савле. Вот уже вышли все делегаты. А где же товарищ Ленин?

Ребята к Левану:

— Ты не соврал?

— Нет,— отвечает Леван.

— Тебе не приснилось?

— Нет,— отвечает Леван.

— Странно,— сказал Кукури.

Вернулись мальчишки домой. А дома у взрослых про всё узнали. Разобрались в том, что означает слово «почётный», посмеялись над собой и Леваном.

Прошёл год. В школе, в которой учились

ребята, был организован пионерский отряд. Надели ребята пионерские красные галстуки. А потом на первом же сборе поднялся вдруг пионер Леван и предложил избрать Владимира Ильича Ленина почётным председателем их отряда.

— Верно! — кричали ребята.

— Молодчина у нас Леван!

У Левана был младший брат Мигран. Узнал Мигран, что Ленин избран почётным председателем пионерского отряда, что означает «почётный», не очень-то понял, решил, что Ленин приехал в Батуми. Побежал он разносить друзьям-приятелям небывалую весть.

— Ленин приехал в Батуми,— шепчет друзьям Мигран.

Собрались ребята, побежали к школе, в которой учился Леван, посмотреть на товарища Ленина. Дождались конца занятий.

Вот вышел Хута, вот вышел Шалва, вот вышел вообще незнакомый мальчик, потом появились Реваз и Сандро, Ладо, Чичико и мальчик в очках Кукури. А где же товарищ Ленин?

— Где же товарищ Ленин? — пристали к пионерам ребята.— Правда, что Ленин сейчас в Батуми?

— Ленин? — поразились друзья Левана.

— Ленин,— сказали друзья Миграна. Объяснили они, в чём дело.

Хотели пионеры рассмеяться над младшими. Однако потом задумались. Переглянулись. И вдруг.

— Правда,— сказал Ладо.

— Правда,— сказал Сандро.

— Ленин теперь везде,— сказал пионер Хута.— Ленин в Москве, и в Туле, в Минске, в Чите, в Ереване. Он и с нами, у нас в Батуми.

— Ленин в любом кишлаке. Ленин в любом ауле,— сказал пионер Реваз.— Он на заводе любом и в поле. Ленин и в нашей школе.

И даже мальчик в очках Кукури не ответил на это: «Странно».

— Верно,— сказал Кукури.

Был ли в Батуми Ленин?

Если вам скажут «нет» — не очень такому верьте.

СЕКРЕТНАЯ ПРОСЬБА

От рабочих и крестьян на имя Владимира Ильича поступало много различных посылок. Присылали хлеб, крупу, сахар (с едой тогда было плохо). Приходили и другие подарки. Рабочие-кожевники прислали Владимиру Ильичу тулуп из овчины, вологодские кружевницы — нарядное покрывало, текстильщики из Петрограда — мягкий пушистый плед.

Получая такие подарки, Ленин хмурился.

— Да что вы, Владимир Ильич,— успокаивали Ленина товарищи по работе.— От души ведь идут подарки, от благодарного сердца.

— Так-то оно так,— соглашался Ленин.— А всё-таки, понимаете, неудобно, неловко. Это всё от старых времён, от старых традиций: барину — носили, попу — носили... С этим пора кончать. Кончать,— строго повторял Владимир Ильич.

И вот однажды Ленин получает письмо. Письмо издалека, из-под Гомеля, из города Клинцы от рабочих Стодольской суконной фабрики.

Читает Владимир Ильич письмо, поздравляют рабочие Ленина с приближающейся пятой годовщиной Октябрьской революции, желают хорошего здоровья, а ниже: «...посылаем тебе

к празднику... скромный подарок нашей выработки». И пишут, что за подарок — отрез сукна.

Под письмом стоят подписи. Да не две, не три, целых четыреста.

Хотел Владимир Ильич рассердиться. Однако потом передумал. Решил не огорчать рабочих под праздники.

Взял Владимир Ильич перо, бумагу и написал рабочим такой ответ:

«Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков посылать мне не следует. Прошу об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим...

Ваш В. Ульянов (Ленин)».

Получили в Клинцах ленинское письмо, прочли. Довольны рабочие. Хорошее письмо, тёплое, с благодарностью.

Однако пришлось рабочим и призадуматься. Поняли они: не одобряет подарков Ленин. И в отношении просьбы, хотя она и секретная, тоже, что к чему, разобрались верно. Приняли рабочие просьбу Владимира Ильича как боевой приказ. Всем о ней в Клинцах рассказали. Да не только в Клинцах, а шире — по всей округе.

А как-то один из стодольских рабочих Степан Шерстобитов ездил в родную деревню под самый Минск и там рассказал о ленинской просьбе.

Огорчились, конечно, крестьяне. Как раз собирались они к Новому году послать в подарок Владимиру Ильичу бочонок душистого мёда.

Однако просьба есть просьба — пришлось крестьянам её уважить.

Случилось так, что в те же дни и в той же самой деревне был на побывке красноармеец

Иван Додонов. Вернулся Додонов в свою часть, привёз и туда просьбу товарища Ленина.

Кончился у красноармейцев срок службы, разъехались они по разным сёлам и городам и тоже на новых местах о секретной просьбе товарища Ленина всем рассказали.

Передавалась эта просьба из уст в уста. Ходила по ближним и дальним местам. Дошла и до наших дней.

Вот и я вам о ней рассказал. И вы, в свою очередь, тоже о ней расскажите. Только помните: просьба была секретная.

Ну а подарки? Что же — перестали рабочие и крестьяне присылать подарки товарищу Ленину? Нет. Продолжали.

В чём же тут дело?

Трудно понять. Россия — страна огромная. Может, не все о той просьбе знали. А может, другие какие причины...

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное произведение

Для начальной школы

Алексеев Сергей Петрович

РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ

Ответственный редактор *И. В. Омельк.* Художественный редактор *М. Д. Суховцева.* Технический редактор *Н. Ю. Крапоткина.* Корректоры *Л. А. Лазарева, И. Н. Мокина.*

ИБ № 10226

Сдано в набор 12.11.87. Подписано к печати 10.05.88. Формат 84×108 1/32. Бум. кн. журн. № 2. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,98. Уч.-изд. л. 6,58. Тираж 300 000 экз. Заказ № 7449. Цена 50 к.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

50 к.

Сергей Петрович Алексеев пишет исторические повести и рассказы, заботясь о том, чтобы они рождали у юного читателя мысли и чувства, которые нужны ему сейчас, сегодня, и потому произведения эти поистине современны. Повести его не только привлекательны по форме, но прежде всего они весомы по содержанию.

За годы литературного труда Сергеем Алексеевым создана целая историческая библиотека. Широкую известность получили книги С. П. Алексеева: «Небывалое бывает», «Секретная просьба», «Красные и белые». За книгу о Великой Отечественной войне «Богатырские фамилии» писатель удостоен Государственной премии СССР.

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1988